

№ 47

МАРТ 1961 г.

ГОД ИЗДАНИЯ 10-й

ВОЕННАЯ СЛОВА

LE PASSÉ MILITAIRE

ИЗДАНИЕ
ОБЩЕ-КАДЕТСКОГО ОБЪЕДИНЕНИЯ
ПАРИЖ

Редакция «ВОЕННОЙ БЫЛИ», с глубоким горем, извещает о кончине своего дорогого друга и сотрудника полковника 5 гусарского Александрийского Ее Величества Императрицы Александры Феодоровны полка

Сергея Александровича Т О П О Р К О В А

последовавшей 21 января 1961 года в Париже.

СО Д Е Р Ж А Н И Е:

	Стр.
Светлой памяти ушедшего друга — Алексей Геринг	1
На Стоходе. (Из боевой жизни лейб-гв. 1 стрелкового Его Величества полка) — Николай барон Будберг	1
На огонек. (Картинки мирной жизни лейб-гв. Павловского полка) — А. Редькин	4
Иркутское военное училище. (Окончание) — Павел Шапошников На Лемносе (материалы для истории лейб-гв. Казачьего Его Величества полка) — Иван Сагацкий	6
Список первым 56 кадетам Первого кад. корп., поступившим в оный в день открытия 17 февраля 1732 г.	11
Терские казаки — Д. де-Витт	14
Последний приезд Главнокомандующего (из жизни I-го Русского кадет. корп. в Сараево) — Владимир Ягелло	15
Пуговица — Николай Турбин	17
Кое-что о Скобелеве — Кирилл фон-Морр	22
Знак отличия Военного Ордена — Е. Молло	23
Бунт у кубанцев. (Из хроники Нижегородского полка) — Г. Танутров	25
Редкий документ — Н. Кадесников	26
Оборона Ахалцыха в 1918 г. — Подковник Юркевич	27
Пилица — Г.	28
Хроника «Военной Были»	29
К заметке «Страшные удары» — В. Рыхлинский	30
По поводу статьи «Учреждение орденов в Российском Государстве» — М. Литвизин	31
Систематический Указатель журнала «Военная Быль» №№ 1-30. (Окончание) — Е. Л. Янковский	32

ПОДПИСНАЯ ЦЕНА НА 1961 ГОД — ШЕСТЬ НОМЕРОВ: во Франции и Северной Африке — 15 нов. фр. с пересылкой; в Германии — 12 марок; в Англии и Австралии — 25 шил.; в странах заокеанских — 4 дол. 50 ц. ОТДЕЛЬНЫЕ НОМЕРА: во Франции и Северной Африке — 2 нов. фр. 50 сант., в Германии — 2 м., в Англии и Австралии — 5 шил., в странах заокеанских — 80 ам. цент.

Всю переписку и денежные переводы по ИЗДАТЕЛЬСТВУ, направлять по адресу РЕДАКЦИИ: 61, rue Chardon-Lagache, Paris (16e). Tél.: MIR 72-55.

Для Франции и Северной Африки можно переводить на Почтовый Счет: С. Р. 2881-89 Paris, A. Guering.

ВОЕННАЯ БЫЛЬ

ИЗДАНИЕ ОБЩЕ-КАДЕТСКОГО ОБЪЕДИНЕНИЯ ПОД РЕДАКЦИЕЙ А. А. ГЕРИНГА.

Адрес Редакции и Конторы — 61, RUE CHARDON-LAGACHE PARIS (16e). M^{IR}. 72-55

10-й год издания

№ 47 МАРТ 1961 Г.

Bimestriel. Prix — 2,50 N.F.

Светлой памяти ушедшего друга

Я познакомился с Сергеем Александровичем Топоровым ровно 55 лет тому назад, в Калише. Блестящий драгунский поручик с одной стороны и малыш, только что выдержавший экзамены для поступления в Первый кадетский корпус — с другой.

Следующая встреча произошла в Париже и здесь закрепились наша “давнишняя дружба”. Прекрасный, добрый и твердый человек, Сергей Александрович прожил прекрасную, полную жизнь. Буквально до последнего издыхания он пользовался отличным здоровьем, имел огромное количество друзей и сумел заполнить свою жизнь в эмиграции любовью не только к родному полку, но и ко всей Русской военной истории, во всех ее проявлениях.

В первых-же номерах “ВОЕННОЙ БЫЛИ” (еще

на ротаторе) появились его воспоминания об Елисаветградском училище и сотрудничество его с нашим журналом не прерывалось и шло по разным линиям. Его интереснейшие доклады в Обществе Любителей Русской Военной Старины, где он состоял членом Правления, привлекали всегда многочисленную публику. Его “Сон Александрийца” появился в № 46 нашего журнала, вышедшем 21 января с/г, как раз в день кончины Сергея Александровича.

Скорбь о кончине Сергея Александровича неотделима от мысли о том, что память о нем и его имя занесены уже на страницы Русской военной истории.

Да будет легка ему чужая земля!

Алексей Геринг

НА СТОХОДЕ

ИЗ БОЕВОЙ ЖИЗНИ ЛЕЙБ-ГВАРДИИ I СТРЕЛКОВОГО ЕГО ВЕЛИЧЕСТВА ПОЛКА

Был июль 1916 года. На Юго-Западном фронте готовилось большое наступление. Наш полк находился, в это время, значительно севернее, в резерве, когда мы узнали, что тоже должны будем принять участие.

Мой третий батальон во главе с полковником Иваном Николаевичем Виц стоял в небольшой деревушке. Жили дружно, мирно, отдыхая от предыдущих боев. Однажды вечером, за ужином, Иван Николаевич получил пакет из штаба полка. Мы, конечно, были сильно заинтересованы тем, что может заключать в себе этот таинственный конверт, а Иван Николаевич любил все делать с известной торжественностью. Так и теперь. Вскрыл конверт, сначала прочитал сам, а затем уже спокойным, ровным голосом прочел и нам. И вот мы узнали, что на-днях должны будем выступить, причем идти походным порядком на юг. Разумеется, подробностей пока еще никто не знал, но каждый де-

лал свои предположения. Иван Николаевич сам был уверен, что мы идем в Румынию. Настроение было повышенное. Все были счастливы, что кончилась эта, довольно скучная, гарнизонная жизнь, что увидим новые места, новых людей, что снова будем в деле. Ескоре собрались и отправились в путь. Хочу немного отклониться в сторону, чтобы рассказать о походных передвижениях на фронте.

Казалось бы ничего не может быть скучнее, чем изо дня в день маршировать в солнечную жару, зачастую в песчаной местности, где после двадцатой версты, еле передвигаешь ноги. Но нет, на самом деле это вовсе не так. Отчего же и в этих однообразных переходах не найти известную прелесть? И, действительно, мы ее находили, вовсе не тяготились походами.

Обыкновенно, около часу ночи, полк выстроится где-нибудь на опушке леса. В назначенное время, при-

несут знамя, придет командир и ...“справа по отделениям, левое плечо вперед, шагом марш...” и, рота за ротой, узкой извивающейся змейкой, начинают двигаться по сырой от росы дороге. Каждый час привал, обыкновенно через 4-5 верст.

Пока еще темно, идут молча, сосредоточено, каждый со своими мыслями. На привале садимся куда попало, на край канавы, на пенёк. Курим и тихо болтаем. Часа через два начинает светать: мы идем навстречу утренней заре. Уже слышны птичьи голоса, скоро первые лучи солнца начнут пробиваться сквозь деревья. Еще немного терпения и огненный шар стоит над горизонтом. Подымается легкий ветер, утрення прохлада охватывает все живое. Но это недолго. Лучи яркого солнца, косо падая на землю, начинают греть и эта теплота не только согревает землю, но и хватает за сердце человека. Радостно становится на душе, новая бодрость охватывает и идти как-то легче...

Стрелки затягивают песни. Поют то по очереди, то каждая рота отдельно, смотря, как вздумается. Конечно, репертуар чрезвычайно разнообразен, но излюбленные мотивы, как то: “Как ныне собирается великий Олег”, “Горные вершины, Карпатские долины”, “Взвейтесь, соколы, орлами...” и многие другие слышатся то тут, то там. Моя любимая песня была и осталась: “Наша гвардия идет”. Рота это знала и охотно ее пела. Так легко и свободно проходила верста за верстой. А солнце подымается все выше и выше. Лучи уже жгут. Под ногами песок. Стрелки начинают утомляться. Я лично предпочитал всегда идти пешком впереди роты, ибо замечал, что стрелки, как-то охотнее и легче делают, часто довольно большие, переходы, если видят, что офицер тут же с ними.

Но вот полпути пройдено. Большой привал. Поджигают кухни, дымят, шхтят и у стрелков, измученных жарой, снова подымается настроение, снова смех и веселье. А господа офицеры, собравшись где-нибудь на лужайке, располагаются вокруг скатерти, положенной прямо на траву. Звенят тарелки, ложки, ножи и вилки...

После же обеда чай, наш милый час. Один стакан, другой, третий — лицо краснеет от внутреннего жара, весь пылаешь... Обед кончен. Еще несколько минут можно полежать, покурить и — снова в путь-дорогу.

На место ночевки приходим усталые, разбитые, в особенности, если переход был уже не первым. Устаповка палаток, обмывание всего тела, свежее белье и постель. И так до следующего раза.

Конечно, бывали переходы и мало похожие на только что описанный. Дожидливой осенью, где нибудь в Подолии, по расхлябаным дорогам, не особенно весело тащить ноги в грязи по колено и только галицийские воны в состоянии спокойно и невозмутимо, влача за собой огромную телегу, делать, под монотонное покрикивание мужика, версту за верстой. Но вернемся к нашему рассказу.

В одно чудное утро, сделав походным порядком изрядное количество верст, мы остановились, в каком-то лесу. До позиции было недалеко. На сравнительно не-

большом участке была сосредоточена вся наша гвардия. Здесь, в этом месте должен был произойти решительный удар. Помню, мы сидели в палатке и прислушивались к артиллерийской стрельбе. Наши батареи делали подготовку и вели это с таким темпераментом, что в лесу стоял сплошной гул от выстрелов. Сердце радовалось; по звуку мы определяли, что это наши пушки. Уже не помню сколько времени простояли мы в лесу в резерве, но вот пришло приказание идти дальше. Выстроили роты и двинулись. Впереди — огромное пространство открытой местности, кое где проволоочное заграждение, отдельные деревья. Но вот и наши окопы. Из них первая дивизия начала, после жесточайшей артиллерийской подготовки, свое наступление. Еще шагов пятьсот и мы проходим окопы противника. Трудно описать ту радость, то совершенно особое чувство гордости, которое невольно охватывает, когда проходишь по местности только-что захваченной нашими. Еще несколько часов тому назад здесь разрывались шрапнели, тяжелые снаряды вырывали огромные воронки, лилась кровь, — теперь все тихо, брошено, изломано и изрыто. Круглые, довольно глубокие ямы от снарядов испещряют все поле и дорогу, по которой мы проходим. А бой уже идет значительно дальше. На расстоянии трех-четырех верст видны вспышки орудий, розовато-белые облачки от шрапнелей и сплошная пелена порохового дыма и пыли. А над всем этим стоит оглушительный гул тяжелых пушек и несмолкаемый треск пулеметов.

Небольшой лесок. Обходим его с правой стороны. Здесь стояла германская батарея. Орудия уже увезены, а перебитая прислуга еще лежит около мест, где так недавно стояли пушки. Лица у всех черныя, будто обуглены. Говорят, что это действие наших химических снарядов. Подходим к деревушке. Одна широкая улица, по бокам дома, большею частью разрушенные, исковерканные, обгорелые. Вот по левую сторону хата. Окна выбиты, двери поломаны, и перед ними лежит труп германца. Каска отлетела в сторону, руки раскинуты.....

В этой деревушке нам приказано задержаться. Наступает вечер и кое-как устраиваемся ночевать. К ночи бой немного затих, чтобы на утро начать с новой силой.

Следующий день солнце также пекло, было также невыносимо жарко. Помню мы стояли в каком-то саду и наблюдали за боем. Впереди, верстах в трех, было огромное болото, посреди которого протекал Стоход, а за болотом — возвышенное место. Это то место, которое переходило из рук в руки. То наши занимали гору и немцы ее обстреливали так, что, казалось, камень на камне не останется лежать, то противник, выбив наших, задерживался на некоторое время в разбитых окопах и подвергался ураганному огню наших батарей.

Мы, в саду, стояли зачарованные представлявшейся нашим глазам картиной. Было что-то потрясающе-красивое в этом отдаленном холме, покрытом дымом и пылью; это был котел с кипящей водой. Но в

то-же время сердце невольно сжималось за тех, которые теперь там может быть отдают свою жизнь, закрадывалось чувство сомнения, удастся ли удержать за собой позицию или напрасны все жертвы. И еще один вопрос: может быть и нам готовит судьба побывать на этой, забываемой отныне, горе!

И вот распоряжение выступать из деревни. Собираемся у Иван Николаевича Вица и узнаем подробности. Нашему третьему батальону приказано, рассыпав роты в цепь и завернув правым флангом, идти по направлению только что описанной горы.

Огромное ржаное поле. Рота рассыпалась и не спеша двигается вперед. Не успели пройти несколько сот шагов, как, стали рваться шрапнели, но пока высоко еще и не причиняя нам урона. Со стороны противника показались эскадрилья аэропланов. Я насчитал 16 штук. Они кружились над нашими головами, беспрестанно стреляя из пулеметов.

Снова настал вечер. Батальон занял позицию по сю сторону болота, которое расстилалось перед нами, проходимое только по отдельным тропинкам. А там, за ним, в версте, виднелся Стоход. Залегли и ждали, что будет дальше.

Около одиннадцати часов вечера ротных командиров потребовали к батальонному. Иван Николаевич объяснил обстановку и приказал ровно в час ночи идти сменять занимающие передовые позиции роты Преображенского полка.

Все было понятно и ясно. Значит исполнилось наше предчувствие и нам надо занимать эту гору, которая утром кипела и бурлила и которая возбуждала в нас восторг и ужас. Мрачное молчание хранило болото впереди нас и только каждые три минуты тяжелый снаряд, с воем прилетавший откуда-то из-за леса, ложился в нем и вырывал в болотистом грунте огромные воронки, забрасывая все кругом торфом и корнями низкорослых растений. Мрак ночи беспрестанно прорезывали лучи чрезвычайно яркого прожектора. Они появлялись слева, задерживались над нашими головами, освещали козырьки, штыки винтовок, торчавших из неглубоких окопов и неуловимым прыжком исчезали вправо.

Но вот ровно час. Когда стрелка часов доходила последнюю минуту, прожектор потух и орудие, посылавшее нам свой привет, прекратило стрельбу. Это было большим счастьем, ибо нам предстояло идти через болото, а в лучах прожектора нам бы не поздоровилось и многие бы поплавились жизнью. Спустились с холма. Проводник-преображенец пошел впереди, за ним я, потом подпрапорщик Старцев, лихой солдат и

верный помощник, взводные и далее длинной вереницей — стрелки.

Тропинка была узкая, позволяла пройти только по одному. Шли осторожно, поднимая ноги, чтобы не шлепнуть в воду, а вправо и влево — бездонное болото. Подходим к Стоходу. Так вот она, эта знаменитая река! Кажется узкой, а перепрыгнуть нельзя. Вдоль берега невысокие кусты, вода мутная. А сколько крови унесла уже она, эта желтая вода!

Пока раздумывали, как лучше перейти, ибо моста не было, германцы, видимо, заметили нас, так как вдруг над нами с ужасным воем и треском, совсем низко, разорвалась шрапнель, покрывая нас своими осколками, а за первой — вторая, третья и.... затрещали пулеметы, засвистали пули... Укрыться негде, стоишь, как на ладони, даже лечь нельзя, кругом трясина. Откуда то достали доску, перебросили и стали по одному переходить. В это время подпрапорщик Старцев был ранен в руку, а преображенец, который служил проводником, получил пулю в живот. Как сейчас вижу его, корчащимся на траве, с ужасным стоном. Стали подниматься на более высокое и сухое место. Пришлось ползти, так как пули жужжали в верхках двух над головой, поминутно ударяя о стебли высокой травы.

Наконец, уже на самых буграх, наши окопы. Заняв их, вздохнули свободнее. Впереди поле и снова низкая, болотистая местность. А далее виднеется деревушка Витонез и в ней засели германцы.

Солнце уже стояло высоко. Опять было жарко и ни капли благотворного дождя. Небо голубое, невозмутимое, безразличное ко всему тому, что творится под ним.

А вечером начался ад. Правее меня была рота Василия Василиевича Фохта и как-то случилось, что мы сошлись вместе. Стояли, прислонившись к брустверу, молча слушая адскую симфонию артиллерийского боя. Противник стрелял и в одиночку, и залпами; то свистали над нами трехдюймовки, то были тяжелые, шестидюймовые... На наших батареях вероятно уже изсяк запас снарядов и они отвечали не слишком часто.

К тебе, мой друг, обращаюсь: помнишь, как молчал окоп, как мы ждали атаку и приготовились к ней? Жутко было, кругом огонь, а с тобой я, да еще подпрапорщик.

Как долго продолжалось все это, не могу сказать. Только сильные, молодые нервы могли выдержать весь этот ужас. Но всему бывает конец. Кончилось и это наше мучение. После, отдыхая в своей землянке и перебирая мысленно все пережитое в последние дни, я вспомнил картину боя, красотой, которого мы еще так недавно восторгались. И эту то красоту пришлось нам теперь пережить самим. Как ужасна была она, эта жестокая красота стали и огня!..

На следующий день мою роту передвинули вправо. Пришлось лежать в маленьких окопчиках почти совсем в болоте. Но к чему человек не приспособляется? Приспособились и тут. Скверно было, мокро и противно. Днем все время обстрел тяжелыми снаря-

ОТ РЕДАКЦИИ

К настоящему номеру журнала «ВОЕННАЯ БЫЛЬ» приложен лист фигурок оловянных солдатиков, работы Г. Иванова в Стокгольме (см. объявление в № 41 журнала «ВОЕННАЯ БЫЛЬ»).

дами. То и дело ждешь, что угодит в самый окоп. Но Бог миловал и потерь больших не было.

Однажды утром, проснувшись, нашел в трех шагах от себя в окопе неразорвавшийся шестидюймовый снаряд. Нельзя сказать, чтобы это было особенно уютным.

Вечером гудит телефон. Говорит адъютант Николай Николаевич Ковальков .... "барон, твоя очередь ехать в отпуск, через два часа придет сменить тебя прапорщик **. Сдай роту и отправляйся к нам в штаб..."

Что чувствовал я в этот момент? Не буду лицемерить: конечно, радость убраться из этого пекла. А эти

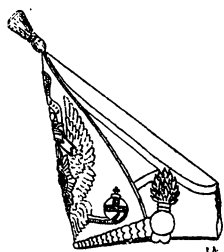
два часа! Они были самыми длинными часами моей тогда еще молодой жизни. Обстрел не прекращался и все тяжелыми снарядами, так сильно действующими на нервы. Позади, в болоте, непрерывающийся стон и крики раненых и умирающих. Их не успели еще подобрать. Эти крики хватали за душу и волновали не менее тяжелых снарядов. Но вот пришел мой заместитель, рота сдана и я иду через болото в штаб. Шлепаю по воде, прыгаю с кочки на кочку, а на душе легко и весело.

Через три дня я был уже в Киеве и ехал дальше в Петроград.

Николай барон Будберг

НА ОГОНЕК

КАРТИНКИ МИРНОЙ ЖИЗНИ ЛЕЙБ-ГВАРДИИ ПАВЛОВСКОГО ПОЛКА

Вечер. Недавно пробили зорю и дежурные по ротам и командам собрались в коридоре офицерского собрания для вечернего рапорта. Из канцелярии принесли большую пачку писем и помощник дежурного по полку разбирал их по ротам. Чтобы не задерживать людей, дежурный по полку спросил дежурного фельдфебеля, все ли благополучно? Впрочем он и так знал, что все благополучно, так иначе ему было бы сразу доложено о происшествии. "Так точно, ваше высокоблагородие, все в порядке, без происшествий".

Раздали письма. Дежурный и его помощник вернулись в собрание. Помощник, молодой подпоручик завалился в глубокое мягкое кресло читалки и углубился в чтение. Дежурный, потолкавшись по разным комнатам собрания, зашел в портретный зал. Со стен на него смотрели портреты командиров полка за сто с лишним лет. Прошел в библиотеку со шкапами красного дерева, наполненными книгами и журналами, там были библиографические редкости тоже столетней давности. Прогулялся по бильiardной, и, ткнув от скуки кием оставленный кем-то на бильярде шар, прошел в столовую.

Большая комната, отделанная дубом, с дубовыми панелями. На окнах, выходящих на Марсово поле, занавеси с полковым гербом: Павловский орел с поднятыми крыльями и на щите мальтийский крест. Витрины с тяжелыми серебряными брагинами.

Откинув занавеску, взглянул в окно. Во всю длину и ширину Марсова поля несет снег, тускло горят огни трамваев, проходящих около Летнего сада. Картина грустная. Заглянул в окно бильiardной на Константиновскую площадку: здесь тише, не так метет. Яркие вспыхивая, горят электрические фонари, освещающая громаду Мраморного Дворца. Пешеходов почти

не видно, изредка, торопливо шагая, промелькнет закутанная в шубу фигура, проплеска порожняком извозчик, вот быстрой рысью прокатили еще два, везя пассажиров с чемоданами с вокзала или на вокзал.

Мощным башенным боем пробили высокие английские часы в бильiardной 11 ударов. Им звонко ответили Ампириные, вывезенные из Парижа в 1814 году. Часы с фигурой Императора Александра I-го, венчающего короной бюст Людовика.

Уже время — кончаются представления в театрах и можно ожидать прибытия "на огонек" друзей.

Старшой собранской прислуги приготовляет стол, расставляет приборы, принес карточку блюд, которыми может предложить наш повар Александр Иванович.

Послышались быстрые шаги и, протирая запотевшие стекла пенсне, вошел с красным от ветра и мороза лицом первый, заглянувший "на огонек". Появился и хозяин собрания, к которому сейчас же подошел старшой.

— Ну как? у тебя все готово?

— Так точно, ваше высокоблагородие, картошка уже печется, ветчина нарезана, водка за окном. А Александр Иванович приказал вам, ваше высокоблагородие, доложить, что он заливное из поросенка приготовил, окромя прочих блюд.

— Ну, что же, это отлично.

Вот еще и еще подходят офицеры, кто в сюртуке — из гостей, кто в мундире из Императорских театров. Веселые, продорванные на морозе, входят, потирают руки и поглядывают на дежурного.

— Да долго ли ты нас томить будешь?

— Да сейчас, вот Яша и Никс подойдут.

Яша и Никс, наши Орест и Пилад, оба капитаны, командиры 13-й и 14-й рот, всегдашние и постоянные заседатели собрания.

Яша — Николай Викторович Яковлев, а Никс — вовсе не Никс, а Алешка Алексеев. Но вот и они пришли.

Загрели стульями, усаживаясь у стола. При-

несли сковороды с шипящей, жареной с горчицей ветчиной, блюда, покрытые салфетками с печеной в мундире картошкой, масло, селедку и ледяную водку: это все, что всегда ставилось дежурным офицером своим гостям-приятелям, вообще всякому зашедшему "на огонек" в собрание.

Сколько бы ни вышли и не съели его гости, он все оплачивал, по все, что заказывалось по карточке и всякое вино потребованное сверх водки, платили сами заказчики.

С мороза, да еще проголодавшись, дружно пили водку, закусывали ветчиной, селедкой, картофелем с маслом, но всего этого было мало. То один, то другой заказывали еще и по карточке, то перед одним, то перед другим появляются бутылки с вином.

Оживление растет.

— А сколько же нас здесь всего?

— Да человек десять наберется.

— А не позвать ли нам Граменью?

— Ну, что же, позови. И вот идет кто-нибудь к телефону — вызывает "Аквариум" и спрашивается, свободен ли Грамня, если свободен, приглашает его приехать в собрание. Неаполитанцы всегда с удовольствием соглашались, так как им, кроме 100-150 рублей за вечер, предлагают ужин, а питья сколько влезет.

Минут через 15-20, появляются итальянцы, в полосатых куртках, с гитарами и мандолинами. И чего только они не пели за ночь? Потом ужинали и пили, а часа в 3-4 ночи, убогатворенные, отправлялись домой.

Иногда, правда не часто, загул принимал широкие размеры. Тогда звали полковой оркестр, духовой или струнный. По окончании консерватории или музыкальных училищ, кому надлежало отбывать воинскую повинность, поступали в гвардейские полки и, конечно, зачислялись в оркестр, где, играя и обучая учеников, обыкновенно воспитанников школы солдатских детей, отбывали свой срок. Благодаря им, а также и тому, что в наших полках бывало много сверхсрочных музыкантов, полки имели великолепные оркестры.

Иногда в полку устраивались небольшие музыкальные вечеринки.

В полку были офицеры прекрасно играющие на рояле — Базиль Гладкий (Сергей Александрович Кондратьев), на скрипке, Дмитрий Ростовский (Дмитрий Иванович Ростовцев), на цитре Карлуша Мейер, который, со братьями Сашей и Витей, правда не служившими в полку, но бывшими частыми гостями собрания, устраивал музыкальные вечера.

Иногда приезжал со своей арфой Андреев, его отец был военным чиновником, оружейным мастером в нашем полку. Сынишка его был славный, способный мальчуган и офицеры полка дали ему возможность окончить музыкальное образование в консерватории. Он отлично играл на гитаре, цитре, но его классом была арфа. Он всегда говорил и повторял, что всем обязан полку и нет у него большого удовольствия, как отплатить полку своею игрою.

Иногда ставилась в столовой небольшая сцена и, после 2-3 репетиции устраивался вечер: танцевали балерины, старик Легат, сидели друзья приятели офицеров, художники, которые тут же делали наброски.

Обычно, накануне такого вечера командир полка ехал на Петербургскую сторону в Новый Дворец к Великому Князю Николаю Николаевичу и приглашал Его на вечеринку.

Великий Князь благодарил за приглашение и обязательно являлся. Громко хохотал при смешных куплетах, хлопал в ладоши, с удовольствием ужинал, но почти ничего не пил. Весело разговаривал, подмигивал, вообще чувствовал себя непринужденно и уезжал далеко за полночь.

В полку было несколько офицеров носящих немецкие фамилии и вот Карл Мейер устроил вместе с ними настоящий бир-фест.

Столовая вся увешена плакатами, каррикатурами на своих же офицеров. Были в полку рисовальщики и каррикатуристы, как, например, Андрей Потоцкий. У камина бочка Лёвенбрей, на столе, во всю длину столовой, сыры разных сортов, видов и вкусов, колбасы, сосиски, ветчина, большие немецкие кружки с оловянными крышками и полнейшая дисциплина за столом, никакой инициативы, ни водки, ни вина, ни особо заказанных блюд. "Набирфестились" основательно. А утром пожалуйста на занятия в роты и чтобы ни в одном глазу.

Правда, такие развлечения устраивались почти всегда под праздник, чтобы было время придти в себя. Но, если случайно, экспромтом, устраивались среди недели, надо было держать себя, иначе и от ротного влетит и батальонный кислых слов наговорит и не дай Боже, если старший полковник в портретный зал пригласит для разговора! При чем, разговаривать то будет только он.

Да, умели пить, но умели и служить, воспитывая молодежь в крепком духе дружбы и службы. Да это и легко было: состав офицеров был однороден, почти все происходили из военных семей и на 90% были кадетами, воспринявшими все военные догматы военной среды. Это, действительно, была сплоченная каста.

Карточная игра процветала у нас, но играли только в коммерческие игры: неизбежный преферанс, винт, бридж. Азартные игры были строжайше запрещены общим собранием офицеров после печального случая с князем Вадбольским и Ломоносовым, когда первый убил на дуэли второго. Дежурный офицер, а дежурили поручики и штабс-капитаны, войдя в карточную комнату и, увидев азартную игру, подходил к старшему из играющих, будь то полковник, и говорил: "Господин полковник, на основании постановления общего собрания г.г. офицеров, прошу прекратить игру". На что тот, встав, отвечал: "Слушаю, г.г. офицеры, игра прекращена". Но это было за все мое пребывание в полку не более 2-3 раз.

Вопреки распространенному мнению, что свои материальные дела, офицеры Гвардии поправляли, жевившись на девицах не дворянского происхождения,

но с крупным приданным, не соответствовало действительности.

Офицер Гвардии мог жениться на девице только дворянского происхождения и не занимающейся какой-либо службой. При заявлении офицера о желании вступить в брак суд чести, Г.г. офицеров наводил справки, судил, рядил и выдавал разрешение на брак или же его отклонял.

Был такой случай: барышня дворянка, окончившая институт и в институте же преподававшая музыку и языки, благодаря тому, что этим зарабатывали, была найдена неподходящей и брак не был разрешен. Это, конечно, крайность. И все-же офицер вышел из полка и женился.

Очень было строго и излишне щепетильно. Но все,

вместе взятое, делало массу офицеров монолитной, связанной одними убеждениями, взглядами и традициями своих полков.

Война показала с каким упорством, в безнадежных положениях, полки Гвардии, раза 4-5 переменявшие состав лошадей, но сохранившие небольшой кадр старослуживых, коренных солдат и офицеров, дрались, истекая кровью и тая, как воск на огне.

И противник отдавал должное: уже после войны, в воспоминаниях немецких генералов встречаются следующие строчки: "неожиданно должны были остановиться. Русские оказали упорное сопротивление, переходя в контр-атаку и бросаясь в штыки — перед нами оказались полки Русской Гвардии".

А. Редьки

Иркутское Военное училище

(ОКОНЧАНИЕ).

В училище время шло очень быстро. От того-ли, что юнкер был занят с 6 часов утра и до 12 часов ночи, или от того, что наша частная жизнь шла от отпуска в субботу и воскресенье до следующего отпуска в эти же дни недели, только незаметно наступил апрель, а с ним перевод во 2-й специальный класс, "подпоручичий", как его называли уже перешедшие в него. А 5-го мая училище, со своим оркестром, ежегодно, стройно и отбивая ногу, выходило на Большую улицу Иркутска и направлялось в лагерь, на реке Ушаковке, верстах в 5-ти от города.

Весь город высыпал на улицу в этот день, усыпая тротуары, гимназистки и знакомые дружески раскладывались и улыбались нам — серьезно и без улыбок идущим в строю юнкерам. Только одними глазами мы отвечали милым встречным взорам барышень Иркутска, вышедшим нарочно в этот день, чтоб хоть взглядом сказать: "Прощай! Когда же увидимся?".

Лагерь располагался в трех больших бараках, покрашенных в светло-синий цвет, среди елей, берез и кедров, с клумбами цветов между ними и по бордюру главной линейки. Между первым и вторым баракom стояло знамя, а сзади него — караульное помещение для юнкеров стоящих на часах у знамени. Впереди расстилался плац для строевых занятий, вправо стояла деревянная лагерная церковь, построенная очень давно для стоявших тут-же резервных полков — Иркутского и Енисейского. В 1910-12 годах этих полков не существовало, они влились в Сибирские стрелковые полки, 7-ой Сиб. дивизии, стоявшей в Иркутске, но пустующий лагерь их оставался. Заброшенные офицерские бараки, основания солдатских

палаток производили грустное впечатление, покинутых жизнью мест, когда-то оживленных и людных.

Сейчас же после устройства в лагере, начинались занятия и съемки. Кто из офицеров не вспоминает с удовольствием время этих "съемок примерных, съемок глазомерных!" Снабженные съемочными инструментами, юнкера, группами по 5-6 человек, расходились по окрестностям лагеря. В помощь нашим постоянным преподавателям, для руководства съемочными группами, назначались офицеры генерального штаба из штаба Иркутского Военного Округа. Я помню двух из прикомандированных: полковника барона де Монфора и капитана фон-Бредова. Оба были "тоняги" по нашему определению. Барон — стройный, худощавый, с породистым лицом аристократа-француза; фон-Бредов тоже стройный, блондин, небольшого роста, в пенсне. Оба всегда корректные, вежливые, не ищущие случая, чтобы пукнуть, придрасться или сделать замечание — они привлекали к себе сердца юнкеров.

Барона я никогда после не встречал, но капитан фон-Бредов, (впоследствии генерал), был известен в Добровольческой Белой армии, как командир Бредовского отряда, действовавшего около Одессы, в 1919 г. и отступившего в Польшу после развала Добармии.

Целый месяц продолжались съемки. Юнкера уходили партиями, в 7 часов утра, возвращались когда кончали свои работы в поле. Ну, конечно, заходили в деревни, на окрестные займки, на дачи, где их всегда любезно встречали, угощали чаем, а для желающих была в запасе и рюмка водки. Но мы мало пили спиртное, как-то не располагала к этому обстановка. Май был в полном цвету и хотелось дышать его запахами, наслаждаться тишиной и красотой тайги, нежившейся под ярким солнцем Сибири.

После съемок начинались занятия в поле, стрель-

ба на полигонс, а в июле, после двухнедельных маневров, мы уходили далеко от лагеря. Первый год мы были в районе Усоля, в 60 верстах от Иркутска, а второй — в районе Байкала.

Маневры — лучшее воспоминание из училищной жизни. Мы шли по таежным дорогам, производя примерные сражения, обходы, атаки, делая по 30-40 верст в день, под палящими лучами сибирского солнца. Когда можно — пели солдатские и юнкерские песни, приходили измученные на место бивака, разбивали палатки, а под вечер, после сытного солдатского из походной кухни ужина, снова были готовы идти еще 30 верст! Усталость проходила после 2-3 часов отдыха и трудно было загнать юнкеров спать в палатки после 10 часов вечера. Все еще хотелось сидеть у костра, петь, разговаривать, вспоминая прошедший в походе день или мечтая о скором, через несколько дней, отпуске домой...

Как приятно было сдавать, 3-го августа, винтовку, 4-го сесть на извозчика и ехать через Ангарский мост на вокзал, где было отведено место в юнкерском вагоне, специально отводимом железной дорогой для едущих в Европейскую Россию в отпуск юнкеров!

Иркутское училище пополнялось не только сибиряками. Почти половина юнкеров были: 1) из Прибалтики — латыши, эстонцы, немцы; 2) из Западного Края — белоруссы из Минска, Гродно, Вильно, поляки из Царства Польского; 3) с Кавказа — армяне, грузины и даже 2 казака с Кубани и Дона. Конечно, было много и из средней и северной России — Великороссии.

Сибирь в мое время притягивала молодежь своими лесными просторами, особым бытом и жизнью сибирских городов и сел, гостеприимством населения и той новизной, которая всегда прельщает молодых людей. К тому же сибирские полки, прославившиеся в недавно законченной Японской войне, были покрыты ореолом военной славы и попасть в них было лестно. Поэтому многие и шли в Сибирь, в ее славное училище, давшее много храбрых командиров, дравшихся в Порт-Артуре, под Ляояном, Мукленом.

Приятно было занять скамейку в купе вагона с друзьями — Колей Омелюсиком, Мишей Воронцовым, моими соседями по парте и кровати; заказать проводнику приготовить кровати, с белоснежными простынями и мечтать о ночном отдыхе в чистой постели, чего мы не видели уже 2 недели. Ведь во время маневров мы спали на соломе, покрытой грубым холстом, с вещевым мешком под головой, упираясь ногами и головой в полости маленькой походной палатки на 6 человек. Кроме того теперь не был страшен дождь, иногда во время похода ливший, как из ведра, на наши утлые убежища из брезента.

Наш отъезд в отпуск был радостью для нас, но вероятно грустью для наших друзей — барышень, с которыми мы встречались на вечерах, в домах, мило пришедших проводить нас, чтобы сказать “прощай” на целый месяц...

Но вот поезд трогается, мы из окон еще перего-

вариваемся, спешим сказать, что-то важное, что всегда забывается перед отъездом! А в вагоне уже звучат гитары, мандолины и гремит юнкерская песня:

“Прощайте родные, прощайте друзья!” и т. д.

Наши юнкера почти все хорошо пели и играли каждый на каком-нибудь музыкальном инструменте. А был один, Кальпус, так тот играл на всех духовых и струнных инструментах и еще — на пианино. По происхождению датчанин, сын нашего училищного капельмейстера. Вероятно этот музыкальный талант был у него наследственный. Но в науках он был слаб: сидел в каждом классе по два года. Гимнаст же он был тоже отличный, как и танцор.

В 1936 году, уже в эмиграции, я прочитал в советских газетах, что Кальпус назначен заведывающим гимнастикой всей Красной Армии! Очевидно, это соответствовало у них “маршалу от гимнастики”. Возможно эти таланты и умение “приспособиться” спасли моему однокласснику жизнь до 36-го года. Перепахнул ли он чистку 38-го года, не знаю.

В отпуск я ездил в село С., в 12 верстах от г. Костромы, расположенное почти на берегу Волги. От реки село отделялось большим, но мелководным озером, покрытым громадными лилиями, по берегам окаймленным камышом-ситняком. Как рвалось и трепетало сердце, когда я издали видел голубую гладь этого озера, с отражающейся в ней колокольней села и зеленой крышей нашего дома, стоявшего на пригорке на берегу!

По дороге от станции Кострома я узнавал все новости от нашего кучера Николая, приезжавшего за мной и знавшего меня со дня рождения — что меня вся семья ждет с нетерпением, что ждут крестьяне, мои старые друзья. И, действительно, только мы въехали в ворота, как я увидел мать, сестер, братьев и десятков людей из села, пришедших меня приветствовать.

Поцелуй, объятия, рукопожатия! И все садились в саду за стол. Неслись вопросы, восклицания, рассказы об училищной жизни, о маневрах, о Сибири и ее тайге.

Хороша была жизнь в деревне! Крепкая, установившаяся издавна поколениями крестьян и господ, живших вместе, рядом, в добром соседстве, без зависти бедного к богатому.

Теперь я думаю, что эти дни моего отпуска были счастливейшими днями моей жизни... Потом, будучи офицером, я приобретал новых друзей — блестящих, умных, красивых, но никогда я не был так счастлив с ними, как тогда, с теми простыми и сердечными людьми, нашими крестьянами.

В эмиграции, будучи в Париже, еще в 1924-25 годах, я получал от них письма с просьбой приехать домой. Однажды я получил даже целый сельский “приговор”, с 200 подписями, с просьбой вернуться к ним. Но я не рискнул, они, вероятно, сами были несчастны и преследуемы и по наивности, может быть, думали, что я им как-нибудь помогу, если буду с ними.

**

Еще перед отпуском в 1911 г. я знал, что назначен младшим портупей-юнкером в 1-й специальный класс. В сентябре, вернувшись в училище, я принял 16 человек под мою команду. Обязанности портупей-юнкера соответствовали унтер-офицерским в войсках — следить за строевой подготовкой своего отделения и воспитывать его в духе воинских и юнкерских традиций. Рядовые юнкера, во время службы, оказывали портупей-юнкеру такой же почет, как и офицеру: лихо щелкали каблуками и вытягивались “смирно”, при обращении к ним с вопросами. Пожалуй они это делали даже с большей подчеркнутостью, чтобы показать знание воинской вежливости. Быть отчетливым и красиво-подтянутым являлось традицией нашего училища и гордостью его юнкеров. Это настолько входило в нашу привычку, что, вращаясь в обществе, мы были также почтительно сдержаны и подтянуты перед дамами и людьми старше нас возрастом. Это нравилось обществу, поэтому мы были желанными гостями во всех домах. Иркутяне гордились своими юнкерами! А гимназисты, реалисты и приезжие студенты старались подражать нашим манерам на балах и в гостинных.

Мое портупейское “величие” продолжалось не долго...

Однажды, на маслянице, я с другими одноклассниками был приглашен к юнкеру Козлову. У них было всегда весело; много барышень, вообще гостей и мы танцевали, закусывали и изредка скромно вынимали стакан вина или рюмку водки. Так было и в этот раз. Ели блины, а какой русский человек не выпьет под блин хотя бы одну рюмку водки?! — Я выпил только 2 рюмки, но к моему несчастью, в 6 часов вечера я, вместе с другими, должен был вернуться в училище, чтобы переодеться и идти на бал в Иркутский Институт благородных девиц.

Дежурным по училищу был шт.-кап. Тарновский, о котором я уже говорил. Я являлся к нему первым, не принявши никаких мер против запаха водки, т. к. совершенно даже забыл, что выпил. Я был совершенно трезв, но повидимому, с морозу в нагретой комнате запах водки чувствуется лучше и вот разразилась драма.

“Портупей-юнкер, Вы пили водку?” притворно ласковым голосом спросил меня Тарновский.

Юнкер всегда должен говорить правду. И я ответил: “Так точно”. “Сколько?” “2 рюмки”. — “Идите раздевайтесь, на бал Вы не пойдете!” — изрек штабс-капитан.

Я даже не оправдывался, повернулся кругом и поднялся в спальню, чувствуя, что дело кончится плохо. Но я решил никого не просить о снисхождении. Если я совершил такое “ужасное преступление”, то черт с ними, пускай делают, что хотят!

Не стану говорить о симпатиях товарищей, выражаемых мне в тот вечер и после, когда меня разжаловали “за пьянство” — постановлением училищного комитета!...

Это никак не отразилось на моей последующей офицерской карьере, хотя и было написано в послужном списке: “Разжалован из портупей-юнкеров за неodobрительное поведение”.

Делая такую пометку, начальство наше не показало себя на высоте. Ведь можно было подумать, что я совершил, что-нибудь против чести; может быть украл или кому-нибудь нахамил, так что следовало меня лишить заслуженного мною положения. Пометка эта оставалась в послужном списке до конца моей жизни. А было всего — две рюмки водки на русскую масляницу.

И удивительно то, что командир роты, капитан Рытов (впоследствии к-р полка, русского экспедиционного корпуса во Франции), видел меня, сейчас же после инцидента с Тарновским, нашел, что я совершенно трезвый, но не счел возможным защитить своего подчиненного, очевидно, из чувства дисциплины.

Даже теперь, через 45 лет, я с горечью вспоминаю обиду и унижение, причиненные мне разжалованием. — Юноша, восторженно любивший военную службу, училище, и с уважением относившийся к своим офицерам, не мог забыть совершенную по отношению к нему несправедливость...

И как бы хотелось быть снова в армии, чтобы показать другим начальникам, как нужно бережно относиться к молодым людям, одетым в солдатскую форму, как нужно беречь их самолюбие, чтобы не оставить тяжелого воспоминания, на долго, м. б. на всю жизнь.

**

В июле 1912 года я впервые был отпущен в город, для примерки офицерской формы. Сидел 5 месяцев без отпуска, после лишения портупейского звания... Но ни разу я не попросил ни у кого из начальства, чтобы меня освободили от этого наказания. Молодое, оскорбленное самолюбие мне не позволяло просить пощады...

Началась разборка вакансий. Юнкера брали вакансии в полки по старшинству баллов, но сначала фельдфебеля, потом портупей, а затем уже шли простые смертные. Т. к. я, по баллам, был выше многих портупей-юнкеров, то мог бы взять вакансию шестнадцатым, но, так как я уже была не портупей, то брал 32-м по списку из 120 человек выпускных этого года. Я мог бы выйти в полки стоящие в больших губернских городах, но мне почему-то понравилась Волянь, и я выбрал 128-й пех. Старооскольский полк, стоявший в г. Изяславле — Волянском.

Когда я перед комиссией из офицеров училища отпартентовал: “128-й пех. Старооскольский полк!” то мои товарищи по классу удивились и после долго меня по дружески упрекали: “Почему ты не взял 147-й Самарский полк в Ораниенбауме или какой-нибудь другой, стоящий в Киеве, Ставрополе, Иркутске? В больших городах?”

Я отвечал, что хотел узнать жизнь нашего запада.

**

6-го августа, в день Преображения Господня, часов в 10 утра, прошел сигнал:

“Офицеры, офицеры, соберитесь!

Соберитесь, соберитесь, соберитесь!...”

И полупустой, за отъездом младших классов в отпуск, лагерь ожил. По команде фельдфебелей обоим рот: “Господа офицеры, прошу строиться на передней линейке!” — мы выстроились, хотя еще в юнкерской форме, но уже — офицеры, т. к. Высочайшая телеграмма о производстве пришла. Показавшийся в конце линейки начальник училища, после обычной команды — “Смирно!” — поздоровался с нами не как обычно: “Здравствуйте господа!” а — “Господа офицеры!” и прочел телеграмму — приказ Государя Императора о нашем производстве.

Громкое и дружное “ура!” было ответом сотни молодых глоток, и после молебна, спешно переодевшись, мы уже в офицерской форме пошли в столовую, вместе с курсовыми офицерами и начальником училища.

Обед был парадный, но без вина и мы в последний раз обедали все вместе, и хотя за обычным юнкерским столом, но уже совсем в другом настроении — офицерском!

Было очень радостно, но и немного грустно; ведь вот завтра мы разлетимся в разные стороны необъятной нашей России и м. б. я никогда уже больше не увижу ни Миши Воронцова, ни Коли Омелюсика, ни других, с которыми делился мыслями, секретами, радостью и горем в продолжении двух лет... Первый из моих товарищей уедет в г. Валк, в Лифляндию, второй — в Кишинев, Бессарабия, а я в Изяславль Волынский.

И уже никогда не будет задушевных молодых разговоров и полудетского смеха, товарищеских проказ. Будут письма о службе, о новой обстановке, о планах поступления в Академию; все реже и реже будут приходить они, а потом и совсем прекратятся; жизнь раскидает...

**

После обеда молодые офицеры поехали в город с тем, чтобы увидеть кой-кого из знакомых, а вечером собраться в отеле “Модерн”, где объединившиеся компании закадычных друзей, человек по 15-20, заказали прощальный ужин, вместе со “штатскими” друзьями.

Весь город в этот день блистал формами всевозможных полков и родов оружия Российской Императорской Армии. По Большой улице фланировали: стрелки Сибирские, стрелки Туркестанские, Кавказские в малиновых эполетах; гуляли и мчались на лыжах хорунжие Забайкальцы, Уссурийцы с желтыми лампасами; подпоручики гренадерских Московских и Кавказских полков и армейцы славных частей Императорской Российской пехоты, разбросанных по

всему пространству от Белого моря до Черного, от Индийской границы до Германской и Австрийской!

Я помню, как ярко светило солнце, какой был чудесный августовский день, какой бывает только в Сибири, в начале осени. Проходя мимо витрин магазинов, я не мог удержаться, чтобы не посмотреть на свое отражение в офицерском мундире с синими эполетами, которые так гармонировали с синими глазами моей спутницы, моего юнкерского увлечения — Маруси...

Иркутск весело праздновал день производства своих юнкеров. Штатские костюмы, туалеты дам, за столиками кафе перемешивались с новенькими формами молодых офицеров. На бульваре, на берегу Ангары, против дома Командующего Войсками и Института Благородных девиц, играл военный оркестр и музыка мелодично разливалась по речной голубой глади широкой реки. На другой стороне ее, на холмах покрытых березами, были домики-дачи, тоже нам знакомые и носящие поэтичное название “Звездочка”.

Только поздно ночью город затихал в этот день, но в отеле “Модерн” жизнь продолжалась до следующего утра. Там заливались скрипки в томных вальсах, барабан отбивал такт мазурки или “краковяка” и в окнах ресторана можно было видеть тени танцующих пар. Там свежеспеченные подпоручики и хорунжие справляли свой первый бал вне стен училища с приглашенными дамами из семейств, где бывали до производства. Там царил молодое, безшабашное веселье и хочу подчеркнуть — всегда в рамках совершенного приличия и достоинства, налагаемых русским офицерским мундиром.

Этот мундир налагает свои обязанности в отношении поведения в обществе, на улице, в публичном месте. Удивительная происходила перемена. Вчерашние мальчуганы, часто повесы в стенах училища или класса — становились сразу серьезными молодыми людьми, приобреталось достоинство в манерах, в разговоре с посторонними, с прислугой ресторана. Мы уже не так громко смеялись, не так быстро двигались, были осторожны в выражениях. Фуражки уже не так лихо заламывались на бекрень, а принимали более нормальное положение на голове, с наклоном козырька больше на глаза!

Через два, три дня Иркутск пустел. Уже реже сходили извозчики на вокзал за Ангарой, отвозя офицеров; меньше попадались навстречу формы российских полков; произведенные разъезжались в отпуск, чтобы после него рассыпаться по своим полкам, саперным батальонам и артиллерийским бригадам, разбросанным по всей России. Один ехал на службу в Финляндию, другой на Кавказ, третий в Туркестан, в какой-нибудь Мерк или на Кушук; четвертый в Варшавский округ или в Севастополь.

Пехотных юнкеров особенно прельщали шпоры, поэтому все вакансии в артиллерию брались сразу, т. е., лучшими. А по поводу шпор у нас остряли, что юнкера:

“Из-за шнор и пушки
Прут до самой Кушги!”

Я еще остался дня на 4 в Иркутске. Признаюсь, что не хотелось расставаться с синими глазами Маруси. Потом, в Изяславле, я так часто думал о них... Но, увы, увидел их только в 1916 г., после моего второго ранения, в Москве и они уже не принадлежали мне, т. к. она была замужем и носила фамилию поручика артиллерии Н..

Тогда, не знаю почему, меня потянуло к старым местам и я проехал в лагерь на р. Ушаковке. Он был совершенно пуст.

Я прошел, по запущенным и начинавшим увядать клумбам лагерного сада, посмотрел на березы, где мы — юные друзья — вырезали свои имена на коре. При виде этих, уже начинавших заростать, букв мне стало невыразимо грустно. Вспоминалось — вот тут мы — юнкера лежали на траве, смеялись, мечтали о производстве и будущем. Теперь, — я один, а трое ближайших друзей разъехались в разные стороны, и, м. б., никогда мы не будем вместе, никогда не увидимся... Ушла навек беззаботная юность. Наступила другая жизнь, — взрослая, с ответственностью не только за себя, но и за подчиненных — солдат, за их жизни. И заростающие буквы на древесной коре мне показались эпитафией на могильном памятнике юнкерской молодости!

Прошел и в беседку, на утесе, спадавшем к реке, где мы вечерами, после поверки, пели хором, сидя на скамейках или лежа на шинелях, брошенных на траву под деревьями.

В этой беседке, в 1910-м году, случилась драма: застрелился прапорщик Липай.

Прапорщики, произведенные из вольноопределяющихся в Японскую войну, допускались в училище, как юнкера, для получения настоящего военного образования, которое давало им права для производства в дальнейшие чины. Был в нашем училище такой прапорщик Липай. Он влюбился в какую-то барышню из Иркутска, которая однажды в воскресенье приехала к нему в лагерь. Что произошло между ними, точно неизвестно, но только после ее отъезда, в тот же воскресный день под вечер, прапорщик ушел в беседку на утесе и пустил себе пулю в сердце.

Мы, юнкера, очень любили этого стройного, немного застенчивого юношу, всегда “тонно” одетого и хорошего товарища. Я вспоминаю его похороны: в лагерной церкви стоял гроб; масса цветов; молодая барышня в черном около гроба, рядом ее мать; сотня юнкеров и офицеров, построенных в колонну. Грустно пел потрепанные песнопения юнкерский хор; тихо плакали, вздрагивая плечами, дочь и мать; солнечные лучи падали на молодое лицо и грудь покойника. Жизнь совершила свой обычный круг, не касаясь земных трагедий...

Остановился я на перекрестке дорог, в стороне от лагеря, в густом лесу, где, по нашим преданиям, убили один юнкер, делая съемку с лошади. Это было, вероятно, в восьмидесятых годах прошлого века, когда при училище еще был кавалерийский взвод. Фамилию убившегося мы не знали уже, но подробности передавались “из поколения в поколение”. Юнкер ехал шагом, углубившись в свою работу, нанося местность на планшет. Вдруг лошадь, испуганная чем-то, бросилась в сторону; от неожиданного прыжка всадник свалился с коня, его нога застряла в стремени и лошадь тащила его по лесу, головой вниз, по пням, камням и кустам. Когда конь прискакал в лагерь, за ним волочился обезображенный труп.

Кончая это “путешествие в прошлое”, я зашел в караульное помещение, где провел когда-то много бессонных ночей, стоя на часах у училищного знамени. Стены барака-помещения были оклеены серой бумагой, на которой караульные юнкера иногда упражнялись в рисовании, хотя это и было запрещено. Но кто может помешать полусонному юнкеру взять карандаш и наскоро набросать чей-нибудь портрет, женскую головку или карикатуру! Я никогда не был художником, но тоже однажды соблазнился и нарисовал портрет бывшего со мной в карауле юнкера Владека Патрикковского, поляка из Варшавы. Владек имел благодарный профиль: очень большой нос с горбинкой, в очках. Этот нос и вдохновил меня, я взял карандаш и быстро нарисовал. Никто не видал! Только через месяц, попавши опять в караул, я увидел под моим художественным произведением целую литературу. Первая надпись была: “Кто это?” Дальше, другим почерком: “Патрикковский”. Еще дальше: чье-то сомнение: “Не может быть!” “Конечно Патрикковский”, подтверждал четвертый. И наконец следовало стихотворение:

“Патрикковский, с длинным носом,
Ходит гордо, как с утесом!
Ура, ура, ура!
Вот так наши юнкера!”

Первый и последний раз в жизни были оценены мои художественные способности! Я был горд своим успехом, но никому никогда не признался, что автор рисунка я.

***

На другой день после посещения лагеря и прощания с городом, я уехал.

Прощай навсегда мое училище, моя беззаботная юность с ее рыцарским товариществом, прощай гостеприимный Иркутск, ставший мне родным за эти годы, все это нигде и никогда больше не повторяемое!

Павел Шапошников

НА Л Е М Н О С Е

ИЗ МАТЕРИАЛОВ ДЛЯ ИСТОРИИ ЛЕЙБ-ГВАРДИИ КАЗАЧЬЕГО ЕГО ВЕЛИЧЕСТВА ПОЛКА

ВМЕСТО ПРЕДИСЛОВИЯ

В эмиграции у меня, как и у многих соотечественников, пропало по разным причинам не мало вещей и дорогих, и не дорогих. К потере одних я совершенно равнодушен. Других мне жаль и в особенности моих старых дневников. К счастью, я вспомнил об архивах моего Полка: почти сорок лет тому назад я передал туда записку, вернее выдержки из моего дневника за Лемносский период. Генерал И. Н. Оприц отыскал ее и доверил мне.

О Лемносе знают сравнительно мало. Лемнос-же — короткая, но захватывающая дух, особая, глава нашей истории. Ее следует вспоминать и пополнять деталями. И я беру сейчас на себя смелость дополнить ее тем, что я видел и пережил на Лемносе в строю моего дорогого Полка. Несмотря на обстановку усталости, порой отчаяния, на безпрестанные попытки разложения воинских частей, Полк стоял твердо, блестяще справился с Лемносской эпопеей и эти он обязан, главным образом, своим старшим офицерам и вахмистрам. Честь им!

10 марта 1921 года. — Сегодня наша группа молодых офицеров, выпущенных недавно из Атаманского Военного Училища, прибыла Лейб-Гвардии в Казачий дивизион. Он вместе с Лейб-Гвардии Атаманским дивизионом сведен в 1-й Донской Лейб-Гвардии Сводно-Казачий полк, которым командует генерал-майор Хрипунов.

Лагерь Полка расположен в глубине бухты, вдалеке от берега и в полутора верстах от греческого городка Мудросе. Он занимает часть скалистого холма, скудно поросшего невысокой колючей и сухой травой. Внизу у пересохшего ручья разбиты большие палатки офицерского собрания, семейных офицеров и командира полка. Дальше, по склону холма, стоят палатки офицеров, казаков и несколько землянок.

Казаки размещены по 9-12 человек в палатке и по 20-25 в землянках. Эти последние построены самими казаками из крупных камней и гнутых листов французского железа. Офицеры устроены гораздо свободнее: по 3-4 человека в палатке.

Жизнь чрезвычайно тяжела. Из французского интендантства, нередко с большим опозданием, отпущается паек, ровно столько, сколько надо, чтобы не заболеть слишком быстро, или просто не умереть от голода. Занятые весь день мыслью о том, как наполнить пустой желудок, казаки всячески изыскивают всевозможные способы, чтобы раздобыть денег и сейчас-же снести их в полковую лавочку за лишний кусок хлеба или пачку табаку.

Все лишние вещи, уцелевшие из России, продаются за безценок или обмениваются на продукты в

Мудросе у сильно разбогатевших на спекуляциях греков. Отношение их к русским далеко не гостеприимное. То-же отношение к нам, но еще более заметное и грубо высказываемое со стороны французского командования, хотя при штабе генерала Бруссо, коменданта острова, есть офицеры хорошо знавшие Россию и среди них даже и, увы, лейтенант Шмидт, бывший преподаватель французского языка в Донском Императора Александра III кадетском корпусе.

Из французского штаба, в целях распыления остатков Русской Армии, все время приходят и расклеиваются в лагерях резкие приказы, призывы к казакам не повиноваться своему начальству, или записываться в Иностранский легион, на работы в Бразилию, Канаду и пр. Из беженского лагеря, на чьи-то нехорошие деньги, тоже тянется в строевые части агитация. Истинными друзьями оказываются лишь американцы, вернее их “Амеританский Красный Крест”. Он, действительно, деятельно, заботливо и безкорыстно помогает русским. Только благодаря американцам казаки, донашивавшие свое ветхое обмундирование еще из Крыма, страдавшие по ночам от холода и сырости, смогли немного привести в порядок свою одежду и не дрожать на земле под одной лишь английской шинелью.

День проходит в мелких заботах. Утром от дивизиона высылаются наряд казаков в интендантство и доставляют оттуда вручную по узкоколейке продукты в лагерь. Другие команды казаков отправляются вглубь острова для сбора травы для топки. Оставшиеся работают по приведению лагеря в порядок: выбивают ступеньки на дорожках, выравнивают и укрепляют дерном переднюю линейку, где полк выстраивается для зори, выкладывают из камней разные эмблемы перед палатками.

Все голодны, озлоблены и молчаливы. Злоба направлена только в одну сторону — к штабу французского командования.

Так тянутся дни. Дожди сменяются морозами или ураганными ветрами, нередко срывающими среди ночи палатки.

Дисциплина тем не менее поддерживается строго. Несмотря на общее, казалось бы безвыходное положение, алый полковой значок с мальтийским крестом стоит прочно на фоне серых скал, свидетельствуя о том, что душа Лейб-Гвардии Казачьего Полка еще жива. Полк переживает очень трудные дни, на стороне поговаривают о возможности возвращения в Совдепию и эти разговоры пошли и в нашем Полку.

16 марта. — Из Константинополя на пароходе “Самара” прибыла группа офицеров Лейб-Гвардии Казачьего Полка с полковником Оприцем во главе. С офицерами приехали и наши казаки, бывшие до сих пор в конвое генерала Абрамова. Это очень кстати:

агитация по распылению Армии усиливается и настроение строевых частей заметно ухудшается.

Полковник Оприц принял дивизион от временно-командовавшего им полковника С. Н. Краснова и сразу же принялся за работу по поднятию духа и дисциплины. Из наличного состава окончательно сформированы 1-я, 2-я, 3-я сотни и пулеметная команда. Начальник хозяйственной части войсковой старшина Ф. Ф. Рыковский старается быстро пополнить цейхгауз предметами обмундирования.

Настроение казаков поднялось. Увидев своих старых командиров, казаки, видимо, поняли и почувствовали, что они приехали делить с ними все испытания и до конца останутся с ними. В обстановке как-будто стал намечаться неясный просвет.

18 марта. — Началась неделя говения 1-го Донского Лейб-Гвардии Сводно-Казачьего Полка. Казаки строем с офицерами отправляются в походную дивизионную церковь. Она до крайности проста и скромна и, наверно, поэтому особенно располагает к молитве. Причащаться будем в старинной греческой церкви города Мудроса.

19 марта. — Около 11 часов ночи из штаба Донского корпуса приносят телефонограмму. В ней стоит: "Орел, Киев и другие города совершенно очищены от большевиков. В Царицыне большое восстание, убито сто пятьдесят комиссаров" и пр. Из соседних лагерей доносится несмолкаемое "ура" и пение "Спаси, Господи, люди Твоя".

20 марта. — В лагерях обсуждаются полученные вчера новости. У казаков на устах: "домой, домой". Изможденные нравственно и физически люди радостно и лихорадочно возбуждены. Они, кажется, поверили, что с получением этого клочка бумаги уже кончены все испытания.

24 марта. — В нашем дивизионе начались строевые занятия. Вечером у палаток собираются песенники. Поют охотно. Молодые казаки разучивают прежние песни Лейб-Гвардии Казачьего Его Величества Полка под руководством старых казаков.

Преждеслужившие казаки верны воинскому долгу и убеждены в правоте нашего дела. Живя в одной палатке с людьми, старые казаки беседами, личным авторитетом и ревностным поддержанием дисциплины очень много помогают офицерам в деле приведения в полный порядок Лейб-Гвардии Казачьего дивизиона.

25 марта. — В Мудроскую бухту в сопровождении французского миноносца вошел "Решид-Паша". На его борту генерал Ф. Ф. Абрамов, назначенный начальником Лемноской группы. Мы все ждем его с интересом и нетерпением. Большинство убеждено, что с приездом командира корпуса многое в нашей жизни на Лемносе переменится к лучшему и в частности у нас Лейб-Казаков.

С генералом Абрамовым прибыли также Донские части из Чатаджинского лагеря. Командир корпуса был встречен казаками на пристани восторженно.

26 марта. — Около 2-х часов дня генерал Абрамов прибыл в расположение нашего лагеря. Для

встречи его 1-й Донской Лейб-Гвардии Сводно-Казачий Полк выстроился на передней линейке. Поздоровавшись с Полком, генерал Абрамов объявил, что вскоре на острове Лемносе будет опубликован приказ французского командования, оповещающий о том, что Франция больше не в силах кормить такую многочисленную армию, как наша. Поэтому французское командование, в целях сокращения государственных расходов, приказывает всем немедленно высказаться по трем пунктам: 1) согласиться уезжать в Бразилию или 2) возвращаться в Совдепию, или же 3) оставаться на Лемносе, но на иждивении своего собственного Главнокомандующего.

Генерал Абрамов советовал казакам остановиться на третьем предложении французов и продолжать лагерную жизнь на средства генерала Врангеля. Последний уже ведет энергичные переговоры о переброске всех частей Армии в Балканские государства.

Приказ французского командования чрезвычайно взволновал всех. Возвращаться на расстрел или каторгу в Советскую Россию, конечно, был полной неспособностью, бросать Армию и ехать на неизвестность на какие-то работы в Бразилию, тоже казалось крайней глупостью. Оставалось влечь полуголодное существование на Лемносе. Но каковы возможности у генерала Врангеля? В силах ли он справиться с такой ответственной задачей, как прокормить огромное количество людей в течение неизвестного еще времени?

Об этом думал каждый офицер и казак. Сердце говорило "оставаться на Лемносе и, если нужно, помирать вместе", а пустой желудок подсказывал другое. И малодушные, конечно, нашлись.

Настроение тяжелое и тревожное. Ясно было, что ввиду создавшегося нового политического положения наши бывшие союзники решили добить и без того уже обезкровленную Русскую Армию.

На рейде стоят под парами готовые к отплытию "Дон" с записавшимися в Южную Америку и "Решид-Паша", который повезет желающих в советскую Россию. У самого-же берега, с наведенными на лагерь орудиями, покачивается французский миноносец. Почему его пушки наведены именно на лагерь, никто не спрашивает, так как это понятно: "Если вздумают, град свинца и стали сметет их палатки".

Сообщения с пароходами нет. Подъезжавших французы грубо отгоняли прочь, угрожая оружием. Не позволили даже попрощаться с родными и друзьями, уезжавшими, наверно, навсегда в полную неизвестность.

28 марта. — Жаркий солнечный день. На противоположном склоне холма, где расположен 1-й Пластунский полк, заметно оживление. Сегодня французы производят запись в Южную Америку и в Совдепию. Мы напряженно смотрим туда, где среди строившихся пластунов, французский офицер, сидящий на лошади, читает приказ. Офицеры-пластуны стоят в стороне.

Француз кончил и к нему выходит один казак, другой, еще и еще. В это время к фронту нашего

Полк приближается бравый вахмистр 5-го Донского Платовского полка и, с разрешения генерала Хрипунова, обращается к казакам от имени своего полка. Молодец вахмистр просит наших казаков “поддержаться” и не слушать предложений французского офицера.

Полк быстро выстраивается. Группа французов идет к нам. Худенький офицер, с небольшого возвышения, отчаянно коверкая слова, читает приказ: “В то время, как генерал Врангель благородно старается пристроить свою Армию...” и далее следует обидные слова, а за ними предложение уезжать в Бразилию, или возвращаться в Совдепию.

Долгая пауза и молчание. Внимание сосредотачивается на том месте, где стоит этот щеголеватый одетый офицер, только-что предложивший желающим выйти из строя. “Спасибо, бра...” начинает генерал Хрипунов и отворачивается в сторону. Из передних рядов Лейб-Гвардии Атаманского дивизиона быстро и пугливо выбегает казак, за ним еще несколько других... И вот мелькнул и алый погон. Не оборачиваясь, все они спешат под защиту французского офицера. Гробовая тишина. У многих в глазах слезы.

11 с половиною часов дня. По дороге, ведущей к пристани, группами и в одиночку, со скарбом за спиной, идут люди. А вот и целая толпа. Впереди нее тот-же французский офицер на лошади. Он сопровождает уезжающих. С другой стороны, вдоль берега, тянется еще одна колонна. Люди торопятся и не отдают себе отчета, куда и зачем. Оставшиеся презирают их, но все же больше жалеют.

29 марта. — Пережитые волнения улеглись. Наш дивизион начал выставлять заставы вглубь острова и на дороге, ведущей к Мудросу, для контроля проходящих казаков.

3 апреля. — Строевые занятия с казаками ведутся интенсивным темпом. Дивизион на глазах принимает отличный воинский вид. Днем в палатке собрания — офицерские занятия.

8 апреля. — Все же главные заботы дня, как утолить голод. Из интендантства довольно часто приходит совсем заплесневевший хлеб и гнилой картофель. Люди отошали и ослабели от дурного питания.

Офицеры дивизиона развлекаются игрой в шахматы и в футбол. Изредка в Донском лагере устраиваются спектакли и вечера. Их охотно посещают и офицеры, и казаки.

18 апреля. — Лейб-Гвардии Казачий дивизион выделен из состава 1 Донского Лейб-Гвардии Сводно-Казачьего полка и переехал на “Кубанскую” сторону бухты для несения службы при штабе начальника Лемноской группы.

Дивизион устраивается на полуострове Калофераки, рядом со штабными постройками. Здесь гораздо лучше и свободнее, чем на Мудроской стороне. Место,

на котором разбит лагерь, защищенное от сильных ветров. Продукты и вода, благодаря близости французского интендантства и опреснительных баков, получаются аккуратно, быстро и в первые руки.

В собрании появились книги, журналы и газеты. Работы по приведению лагеря в блестящий вид, строевые занятия, организация хозяйственной жизни сразу повелись с полной энергией.

18 апреля. — На футбольной площадке, отделяющей наш лагерь от штаба генерала Абрамова, нередко под вечер происходят состязания. Великолепно сыгранная команда юнкеров Кубанского Алексеевского Военного училища производит большой эффект своей дисциплиной и однообразной белой спортивной одеждой с черными двуглавыми орлами на груди.

Юнкера играют безупречно, линия их атаки стройна и подвижна. Мяч у них свободно, как замороженный, переходит от одного к другому и, если прорывается назад, то там перехватывается вахмистром Полянским, одним из беков, или угрожающего вида голкипером, которые одним ударом отсылают мяч обратно, под самые ворота противника.

На матч юнкеров против отборной команды французского броненосца, зашедшего на Лемнос, собралась масса казаков, офицеров и высшее наше начальство. Самым опасным противником юнкеров оказался рыжеватый французский офицер с фамилией вроде Камло, игравший центром. Грузный, но проворный и сильный, он сразу повел игру довольно грубо. Заметив это, казаки начали криками и ругательствами вступаться за юнкеров и после нескольких их падений, буквально пришли в неистовство и заревели: “Бей его, юнкер... Дай ему под ножку... Не щади Хамло”. Азарт был полный. В результате, одна из самых лучших команд французского флота была совершенно разгромлена. Юнкера забили ей весьма корректно около десятка голов.

В собрание изредка заходит генерал Абрамов. В большой палатке наша походная церковь. Поют офицеры дивизиона. Начали работать портняжная и сапожная мастерские, открылся околосок.

Лагерь, правда, в образцовом порядке: строго выравненные палатки, прямые дорожки, обложенные камнями одного размера и выбеленными известью. Под грибом на передней линейке дневальный. Площадка перед собранием украшена двумя большими эмблемами: двуглавым орлом и Андреевской звездой, выложенными из разноцветных голышей С. Ф. Ефремовым, нашим “дядей Степой”. Каждая из них ограждена кругом из выбеленных тоже камней.

Недавно прибыла и прикомандирована к дивизиону 6-я Лейб-Гвардии Донская Казачья Его Величества батарея.

Иван Сагацкий

(Продолжение следует)

СПИСОК

ПЕРВЫМ ПЯТИДЕСЯТИ ШЕСТИ КАДЕТАМ

ПЕРВОГО КАДЕТСКОГО КОРПУСА,

ПОСТУПИВШИМ В ОНЫЙ В ДЕНЬ ОТКРЫТИЯ

17 ФЕВРАЛЯ 1732 ГОДА

1. Флегонт Леванидов. Выпущен 4 ноября 1736 г. в армию сержантом.
2. Николай Мартынов. Вып. 4 ноября 1736 г. в армию прапорщиком.
3. Иван Мелиссино. Вып. 20 апреля 1740 г. к статским делам прапорщиком.
4. Тимофей Карсаков. Вып. 13 января 1738 г. в армию прапорщиком.
5. Владимир Корсаков. Вып. 4 ноября 1736 г. в армию прапорщиком.
6. Егор Головцын. Вып. 3 января 1737 г. в армию подпоручиком.
7. Абрам Толбузин. Вып. 23 октября 1738 г. в армию прапорщиком.
8. Александр Унковский. Вып. 1 июня 1736 г. в гарнизон поручиком.
9. Григорий Лихачев. Вып. 16 апреля 1740 г. в армию прапорщиком.
10. Александр Брынкин. Вып. — В 1738 году умер.
11. Петр Меншиков. Вып. 13 апреля 1734 г. в артиллерию поручиком.
12. Федор Агапитов. Вып. 19 февраля 1741 г. в армию поручиком.
13. Игнатий Чихачев. Вып. 27 февраля 1742 г. в армию прапорщиком.
14. Александр Киреевский. Вып. 13 февраля 1738 г. рядовым.
15. Степан Решетов. Вып. в 1743 году к перемональным делам переводчиком.
16. Александр Новосильцев. Вып. 24 января 1737 г. в армию поручиком.
17. Кн. Петр Репнин. Вып. 24 января 1737 г. в армию поручиком.
18. Кн. Сергей Репнин. Вып. 24 января 1737 г. в армию поручиком.
19. Алексей Маслов. Вып. 4 ноября 1736 г. в армию прапорщиком.
20. Иван Инихов. Вып. 17 марта 1737 г. рядовым.
21. Никифор Вяземский. Вып. 8 июня 1734 г. в Оренбургскую экспедицию прапорщиком.
22. Никифор Маслов. Вып. 23 декабря 1735 г. в артиллерию.
23. Василий Литвинов. Вып. 14 апреля 1740 г. в армию сержантом.
24. Александр Голицын. Вып. 4 ноября 1736 г. в армию прапорщиком.
25. Лев Полочеников. Вып. в 1741 г. в армию (чем неизвестно).
26. Антон Березин. Вып. 4 ноября 1736 г. в армию прапорщиком.
27. Федор Богданович. Вып. 4 ноября 1736 г. в армию прапорщиком.
28. Иван Перфильев. Вып. 4 ноября 1736 г. в армию прапорщиком.
29. Иван Козаков. Вып. 4 ноября 1736 г. в армию прапорщиком.
30. Козьма Змеев. Вып. 23 октября 1738 г. в армию прапорщиком.
31. Борис Змеев. Вып. 4 ноября 1736 г. в армию прапорщиком.
32. Димитрий Яхонтов. Вып. 24 апреля 1740 г. в армию подпоручиком.
33. Крисанф Оболянинов. Вып. 23 сентября 1735 г. в армию прапорщиком.
34. Петр Семенов. Вып. 23 февр. 1738 г. в армию прапорщиком.
35. Василий Новокшенов. Вып. 10 марта 1737 г. в Оренбургскую экспедицию прапорщиком.
36. Иван Пушин. Вып. 23 октября 1738 г. в армию прапорщиком.
37. Иоган Фелькерзам. Вып. 24 января 1737 г. в армию поручиком.
38. Карл Штеррманн. В 1737 г. умер.
39. Осип Трезин. Вып. 4 ноября 1738 г. в армию прапорщиком.
40. Яков Брант. Вып. 4 ноября 1736 г. в армию поручиком.
41. Андрей Брунс. Вып. 4 ноября 1736 г. в армию прапорщиком.
42. Иахим Трезин. Вып. 23 февраля 1738 г. в армию прапорщиком.
43. Александр Ариандер. В 1738 г. умер.
44. Карл Вейгонт. Вып. 10 февраля 1742 г. в армию поручиком.
45. Иоган Мейгнер. Вып. 23 февраля 1738 г. в армию поручиком.
46. Иван Мартынов. Вып. 14 апреля 1740 г. в армию прапорщиком.
47. Алексей Погонин. Вып. 23 февраля 1738 г. в армию прапорщиком.
48. Иван Погонин. В 1735 году умер.

49. Иван Полев. Вып. (неизв.) в армию поручиком.
50. Андрей Кошелев. Вып. 14 октября 1740 г. в армию прапорщиком.
51. Николай Шетнев. Вып. 3 января 1737 г. в армию подпоручиком.
52. Адам Алсуфьев. Вып. 28 марта 1739 г. в армию подпоручиком.
53. Афанасий Кистюрин. Вып. 28 марта 1736 г. в армию капралом.
54. Борис Бестужев. Вып. 23 февраля 1741 г. в армию сержантом.
55. Николай Чеглоков. Вып. 8 марта 1739 г. Лейб-Гвардии в Конный полк унтер-офицером.
56. Алексей Маслов. Вып. 4 ноября 1736 г. в армию прапорщиком.

Т е р с к и е   к а з а к и

Весной 1919 года, во время Гражданской войны на юге России, я принял участие в “Степном Астраханском походе”, временно служа в рядах Чеченской конной дивизии.

Я был лишь свидетелем и очевидцем случая, о котором хочу рассказать.

В этот день я был ординарцем при начальнике отряда генерала Драценко. Все мною виденное и пережитое за эти несколько часов запечатлелось во мне навсегда, маленькие детали и даты напомнили сохранившиеся мои записки.

30-го мая крупный конный отряд в составе трех Чеченских конных полков и бригады Терских казаков с приданной артиллерией, исключительных по доблести полков, сохранившихся почти полностью со времени Великой войны—Кизляро-Гребенского и Сунженско-Владикавказского, — выступил двумя параллельными колоннами из Святого Креста (Сев. Кавказ), имея заданием овладение Астраханью. После 6-дневного, утомительного похода по безводным степям и ряда небольших боев, опрокинув заслоны красных, отряд вышел к Каспийскому морю, разрезая Большой Астраханский тракт.

Не доходя до дер. Михайловка, отряд встретил упорное сопротивление и постоянную угрозу высадки десанта у нас в тылу. Для усиления конницы, на баржах по морю, почти одновременно прибыли к нам два батальона пластунов. Широкий деревянный мост через болотистую речку, единственная переправа, преграждал нам путь, являясь объектом атак.

Противоположный высокий, командующий берег создавал хорошую позицию красных, откуда обстреливались наши тылы и подступы. Вынесенный впереди моста окоп с пулеметными гнездами представлял собою серьезный опорный пункт.

С утра 9 июня шел непрерывный бой. Храбрые пластуны неоднократно атаковали предмостное укрепление, но, неся большие потери, отходили назад. Спешенные полки Чеченской дивизии постепенно вливались в стрелковую цепь, но перелома боя не наступало. Начальник отряда генерал Драценко вызвал командира Кизляро-Гребенцов и приказал ему спешить полк для усиления огня. Командир Терских казаков, приложив руку к папахе, сказал: “Ваше Превосходи-

тельство, какая-же мы пехота, разрешите, я конной атакой выйду красных. Я своих казаков знаю”.

Начальник отряда немного удивленно посмотрел на своего начальника штаба и тут-же добавил: “Если вы, полковник, ручаетесь за успех, то валийте”.

Прошло всего лишь несколько минут и четыре сотни Кизляро-Гребенцов в резервной колонне выстроились на широкой улице, скрываемые от взоров тенистыми садами и отдельными домами.

В это время поступило донесение, что красные начинают отводить свои части за мост и, очевидно, хотят его поджечь, обливая его какой-то жидкостью. Казаки с места срываются рысью. Маневрируя, они незаметно появляются на дороге против моста. Выхватив шапки, во взводной колонне бросаются на мост, уже охваченный пламенем. Красные развивают бешенный огонь, наши две конные батареи громят их окопы на противоположном берегу, но головная сотня врывается уже на мост в клубах дыма и пламени. Языки огня лижут бревна настила, несколько казаков борются с лошадьми, боящимися идти на горящие бревна, но их увлекают другие. Пластуны выскакивают и бросаются вперед с криком “ура”. Проходит еще минута и сотни Кизляро-Гребенцов, развернувшись в лаву, несутся в гору на окоп. Сквозь клубы дыма, при ярком палищем солнце, видны лишь блески казачьих шашек, слышны короткие команды и вопли о пощаде, но беспредельная доблесть казаков завершила победу.

Генерал Драценко, конвой, ординарцы, галопом идут за казаками. У обочин дороги сидят несколько раненых казаков, тут-же лежат и убитые лошади, какие-то люди заливают водой еще местами горящий мост. Несколько десятков зарубленных красных лежат здесь-же в неглубоком окопе. Отдельные убитые и раненые лежат по всему полю, кого, где настигла казачья шашка.

Конная атака Кизляро-Гребенцов, одного из старейших полков нашей Императорской Армии, через пылающий мост и их жестокая рубка была красота, незабываемая на всю жизнь. Этот бой, столь блестяще выигранный Терскими казаками, теперь, когда вспоминаю, кажется чем-то сказочным. Не верится даже, что он имел место наяву, а не был лишь красивым видением, сошедшим с батальной картины прежних войн.

Л. Де Витт.

Последний приезд Главнокомандующего

из жизни I РУССКОГО КАДЕТСКОГО КОРПУСА В САРАЕВО

В начале мая, в ротах распространился слух: “к нам в корпус приезжает Главнокомандующий”.

Действительно, вечером, после поверки, генерал Адамович пришел в первую роту, объявил об этой новости и наметил меры к подготовке встречи.

Незадолго перед этим к нам прибыли с Дальнего Востока сибиряки-Александровцы с оркестром. Немедленно оркестр был пополнен способными к музыке кадетами и вот в кратчайший срок надо было выучить марш для парадной встречи, фанфарный марш и Преображенский, заменяющий по положению Русской Армии гимн.

Музыканты были освобождены от занятий и целыми днями разучивали марши. Через два-три дня все было слажено и мы имели удовольствие все передвижения на завтраки, обеды, занятия и т. д., совершать под музыку.

Надо сказать, что обучение строю было доведено у нас до совершенства. Во время приезда Короля Александра, когда корпус принимал участие в общем параде, Король сказал генералу Адамовичу: “Ваши кадеты ходят лучше моей гвардии” и наградил директора орденом Белого Орла.

Итак, подготовка продолжалась. Каждый день, в свободное от классных занятий время, мы маршировали по плацу и делали все построения для прохождения на параде. Лихорадочно все чистили, украшали, готовили программу концерта и восторженно ждали дня 17 мая приезда генерала Врангеля.

Наконец наступил этот день. Все знали свои места и ходили, как в балете.

С утра нависли свинцовые тучи и мы с трепетом ждали, что вот-вот пойдет дождь.

Ровно в 12 часов, коляска, посланная от командующего 2-й Югославской армии за Главнокомандующим, подкатила к воротам корпуса, махальные закричали “едут, едут” и мы услышали ответ сербского караула на приветствие генерала Врангеля и затем своими огромными шагами вошел генерал Врангель в форме 10-го гусарского Ингерманландского полка, в сопровождении начальника штаба генерала Кусонского, адъютанта есаула Ляхова и ординарца взводного унтер-офицера Новосильцова.

Раздалась команда “смирно” и генерал Адамович подошел для встречи, с рапортичкой в руке, в сопровождении адъютанта штабс-капитана Побыванца. Оркестр играет марш Лейб-Гвардии Конного полка и Главнокомандующий обходит построенные покоем роты, здороваясь с кадетами: “Здорово, орлы”!

Вслед за оглушительным ответом, неслось восторженное “ура”, громким эхом отдаваясь в горах.

В этот момент солнце прорвало тучи и осветило стройную высокую фигуру Главнокомандующего, начищенную медь труб и белоснежные ряды кадет, с малиновой полоской погоп.

Обойдя роты, генерал Врангель стал на середину плаца и своим громким, хриплым голосом передал кадетам приветствие от Великого Князя Николая Николаевича, покрытое долгим, несмолкаемым “ура” и Преображенским маршем.

Затем генерал Адамович приглашает Главнокомандующего занять место на площадке из цветов, что вызвало некоторое замешательство, очевидно ему не приходилось еще принимать парады, стоя на цветах.

“К церемониальному маршу, по ротам, на двухвзводную дистанцию, первая рота”, — зычно командует генерал Адамович. “1-я рота”, — повторяет полковник Орлицкий и вот под бодрящие звуки “Старых друзей” двигается первая рота, в замке вице-фельдфебель Яковлев. Генерал Врангель хвалит каждую роту и мы расходимся по своим помещениям.

Начинается осмотр корпуса, причем на всех постах и дежурствах назначены самые высокые кадеты. Главнокомандующий меряется с кадетами Селецким, Косаговым и Гончаровым и выясняется, что они выше его ростом.

“Как вы смеете перерости вашего Главнокомандующего”, — шутливо замечает генерал Врангель.

За завтраком в первой роте Главнокомандующий садится старшим за первый стол. Голубая Ингерманландская фуражка ходит по рукам, каждый хочет ее померить. Пользуется также успехом Лейб-Казачья фуражка Ляхова.

Вечером дается концерт, кто-то подносит генералу Врангелю на память, художественно исполненную программу.

Все сигналы в этот день полагались на трубе кадетом Петупиным и мы, как музыку, слушали их, так как в обычное время у нас игрались сигналы сербские. трубачем 15-го пехотного полка.

Тут надо объяснить, что в Сараево было очень много войсковых частей и военных школ, а против корпуса помещался штаб армии. Между прочим, русские сигналы такие-же, как и болгарские, а сербы не любят болгар и вот из деликатности, и по наемку сербов мы вынуждены были пользоваться трубачем сербом и только в торжественные дни играли русские сигналы.

Ночью к дверям комнаты, где спал Главнокомандующий, был поставлен кадетский караул. Утром, после чая, в первой роте мы покачали его на руках и несли до коляски.

Стоя в коляске, генерал Врангель прощался с кадетами и благодарил за прием. Когда коляска двинулась, кадеты побежали за ней, выбежали на площадь

ПУГОВИЦА

Когда вечернею порой окружающие знакомые предметы, теряя резкие очертания, шаг за шагом отступают назад и пропадают в синем мраке, перед духовным взором открывается неограниченный простор.

Тогда и взор и мысли, словно выпущенные на свободу птицы, особенно легко возвращаются к давним минувшим дням.

Так темной ночью острый луч маяка, скользя по горизонту, находит далекие паруса.

И вот вижу я, отчетливо до мелочи... друга моей юности Феодосия.

Сидит он в классе на первой парте того ряда, что идет вдоль оконной стены.

Большая белобрысая голова с заметной поперечной впадиной. Еще в корпусном приюте окрестили его “двуглавым”.

А преподаватель рисования, талантливый педагог, ласково поглаживал и похваливал эту голову.

“У тебя узкий череп. У таких все земное под башмаком у духа. Ах, как хорошо, мальчик!”

У Феодосия высокий лоб, крупные и мягкие черты лица, мясистые губы. Для сходства с большеформными театральными масками, что украшают афиши, не хватало только глубоких морщин и курчавого парика.

Красавцем не назовешь — и, однако, лицо это располагало и притягивало к себе.

У театральной маски, вместо глаз пустышки, а у Феодосия теплые голубые глаза, веселые, зоркие и любознательные.

Глаз моего друга, из сорока пар других, сразу же заметил и оценил наш кратковременный воспитатель, штабс-капитан из шведов, чуть-чуть похожий на Карла Двенадцатого.

Штабс-капитан рисовал, чертил, лепил, выжигал, резал по дереву, даже художественно вышивал. Изучил фотографию, металлопластику, мозаичное, столярное, переплетное, картонажное дело... Читал лекции, виртуозно играл на струнных инструментах.

Мы его считали всезнающим.

В младшей роте, в пустой классной комнате, организовал настоящую школу прикладного искусства.

и там с криком “ура” сопровождали Главнокомандующего до моста (того самого, на котором в 1914 году Гаврило Принцип стрелял в Эрцгерцога Фердинанда). Могучее русское “ура” несло вдоль по Милячке, громким эхом отзывалось в горах и замирало в ущельях Белашиицы.

Долго еще мы вспоминали этот день и вот 34 года спустя кажется, что это было совсем недавно.

Владимир Яцелло

Но венцом его творчества, чем с полным правом гордился, был театр марионеток, созданный им самим без посторонней помощи от остова сцены до кукол.

Тут то и пригодились смекалка и ловкие руки Феодосия. В короткое время, как говорится “походя”, пальцы его научились управлять бесчисленными ниточками. И пестро-наряженные марионетки осмысленно и послушно разгуливали, кувыркались, жестикулировали, плясали, дрались на дуэлях, составляли живописные мизансцены.

Четыре проворных руки и четыре острых глаза, штабс-капитана и Феодосия, не отставали друг от друга.

А мы, маленькие зрители, ломались в двери, ссорились из-за мест, так, что звенел воздух.

Игра оживших куколок разжигала воображение и волновала до сердцебиения.

И вот, ценный клад, выкопанный для корпуса директором, этот на редкость занимательный педагог вдруг сорвался с вершины славы. Штабс-капитана “ушли”, а “случай” рекомендовали забыть. В старину приказывали проще: “считать не бывшим”.

Но, если директор ошибся в штабс-капитане, то штабс-капитан не ошибся в Феодосии. В каждом новом классе открывались новые таланты “двуглавого”.

Во-первых — рисование...

Но экспрессивные рисунки Феодосия утопали в хаосе ненужных линий и пятен, не только от мягкого карандаша, но и от всей пятерни.

“Мальчик, ты художник-трубочист!” — сокрушался добрейший наш учитель. — “Чтобы передвигаться по непроходимой грязи твоих произведений, необходимы глубокие галоши или ходули. Знаешь ли, несчастный, для чего изобретена рисовальная резинка?”

Позднее мой друг занялся дрессировкой зверьков по системе Дурова.

За эту редкую способность и за любовь к животным командир роты, тоже с зоологическим прозвищем, назначил его заведующим аквариумом и террариумом.

Начальство смотрело сквозь пальцы на труппу мышей-акробатов, временно квартировавших между рамами классного окна.

— “Пора бы хвостатых циркачей убрать” — на юминал отделенный воспитатель.

— “Разрешите еще... Для тренировки... А потом всех в террариум” — упрашивал всегда чем-то по горло занятый Феодосий.

Бумажные змеи его изделия с разноцветными хвостами, с трещетками, с оскаленными пастьми китайских демонов или таинственных личностей в черных полумасках ставили рекорды, поднимаясь чуть-ли не до облаков.

Стрелял Феодосий не хуже пушкинского Сильвио.

Из мелкокалиберного ружья без промаха сбивал шагов за двадцать поставленные в ряд кусочки пилевого сахара.

С успехом демонстрировал довольно сложные фокусы.

Упряжился в гипнозе. Внушал учителям, когда можно, а когда нельзя вызвать его к доске.

Всех способностей и не перечислишь, но достаточно и сказанного, чтобы признать Феодосия незаурядной личностью.

Сидел он ближе к "камчатке", но иногда перебирался на первую парту. Вот тогда-то и начиналась охота для пополнения акробатической труппы.

Под паровой радиатор, в темный угол, прятал самодельную мышеловку. От ее дверки до парты протягивал веревочку и, как терпеливый кот, часами дожидаясь зверька, внушал учителю: "отвернись, окающий..."

Вынимал медный, допотопный бинокль и, если замечал, что будущий артист пожирает приманку, как бы нечаянно, ронял на пол книгу и дергал шнурок. Разлавалось одновременно: хлоп!

После удачной охоты, спокойно слушал урок.

Но вот наступила и пора мятежной юности. И принес ее первый весенний ветерок.

Туманно-розовые зори окрашивали оконные стекла. По утрам, над еще спящим городом, ворковали голуби. В их нежной песне был властный призыв к чему-то еще неиспытанному.

Захватил он и моего друга.

Фокусы, дрессировка, стрельба хотя и продолжались, но потеряли прежнюю важность и остроту.

В классные комнаты проникал сыровато-душистый воздух и перезвон величественных колоколов.

Над раскистыми деревьями нашей улицы проносились невидимые зеленые ливни. Они оставляли на ветках маленькие изумрудные капельки и капельки эти все густели, все увеличивались, принимая форму листочков, а лучи, отыскивая между ними лазейки, проскальзывали золотыми полосками, падали на торцовую мостовую и покрывали ее живым, сверкающим узором.

На красных прутках вербы появились пушистые зайчики и чуть ли не каждая проходящая женщина несла букет лилово-кудрявой сирени.

Весна выглядывала отовсюду, из каждого уголка, из каждой щелки.

А Феодосий, презиравший до той поры весь прекрасный пол и прыгавший козлом на уроках танцев, вдруг, к величайшей радости балетмейстера, плавно завальсировал.

Вскоре же произошло событие, парализовавшее весь класс.

Наш воспитатель, ухмыляясь в усы, передал ему письмо в узком, бежевом конверте.

— "Получите... Наверное от девятикородной сестры".

И на Феодосия накатило поэтическое вдохновение. Он набросал стишок:

"О, Катя, ангел синеокий,
Грызет, сосет меня.
Бацилл любви жестокий".

Побежал к признанному ротному поэту.

— "Как думаешь — выпукло?"

После пятиминутного раздумья, поэт заявил:

— "Ощутительно и наглядно. Но, в общем, чушь! Грызут и сосут только клопы и блохи, а любовный бацилл под-та-чи-ва-ет!"

Ведь удавалось же все, за что ни брался, а вот тут не помогла и "двуглавость".

Сидел и шептал: "матачивает, раскачивает, заворачивает, одурачивает..."

Для освежения мозга щелкал себя по лбу, щипал за ухо, как кнопку прижимал кончик носа, грыз перо, но на рифме к "подтачивает" засох.

— "Каторжная работа! Ские бы сам поручик Лермонтов!"

Наконец мне удалось полностью разгадать тайну. В его книжке с фантастическими рассказами Фламариона жаждал карточку гимназисточки с русской косой.

— "Она?" — спрашиваю.

Феодосий густо покраснел.

— "Ты знаком?"

— "И с ней, и с сестрой".

— "Ну-у..." — протянул он, скорчив гримасу.
— "Сестра, попросту говоря, молчала. Знаешь, такое... Язык и десны сотружешь и зубы заночуют. А Катюша" — и блаженно закрыл глаза — "мармелад абрикосовый!"

— "А почему запрятал в книгу?"

— "Книга, брат, это астрономическая, возвышенная, звездная!"

— "Значит, здорово любишь!"

— "Ну, так... Нравится".

А ведь сам за один ее теплый взгляд готов был отдать всю, только что распустившуюся жизнь.

С узкого бежевого конверта и началось хождение Феодосия по мукам.

Всегда вникал с жаром и рвением в заинтересовавшие его дела.

Посадит, бывало, рядышком пестрые марионетки, встанет перед ними с книгой и вдальбивает им, словно живым:

— "Многоуважаемый Клаус, вы проткнете волшебника шпагой в тот момент, когда принцесса Кви-вит воскликнет: "Этот злодей превратил меня из красавицы в отвратительную жабу". А, ну-ка, господин Клаус, повторите".

Так же рисовал — от всей души, всеми пальцами.

Так же возился с мышами, без колебания отлавляя им утренний сыр и вкусную вечернюю котлету. Месяцами ломал голову, разгадывая фокусы. Так же и влюбился — вырнул, как в омут, и был таков!

Жил Феодосий, не думая о своей внешности. А теперь понадобилось зеркало — глянет и с досадой поскребет ногтем выскочивший прыщик.

Коротко остриженные волосы старался поставить бобриком, не жалея ни головы, ни щетки, ни глицеринового мыла, заменявшего фиксаж.

Из фуражки выдернул каркас, чтобы туля не торчала по казенному, тарелкой, а была бы мягкой, как у Гродненских гусар.

— “Чепчиком гораздо красивее и башка меньше” — объяснял он. — “Ведь придется же когда-нибудь поцеловаться. Острым краем лоб ей обрежешь, а мятка, как пуховая думка”.

Выходные сапоги взял на полномер меньше. Надевая, потел, задира лодыжку перпендикуляром выше головы. А я соболезнавал и спрашивал:

— “Ну, как? Пищит и не лезет?”

— “Раз-но-шу...” — отдувался Феодосий. — “Зато ножка будет, как у Александра Первого на портрете”.

Пришлось уговаривать капитанармуса, мужика мрачного и упрямого, бывшего драгунского трубача.

— “Что-ж мне в узких брюках стрекулистом шляться?”

— “Во хлоте колоколом носят, а в пехоте не полагают”.

— “Дайте хоть чуточку пошире” — умолял Феодосий.

— “Берите, которые для верзил правофланговых. И снизу обрубите — и шабаш”.

— “Так что же будет?”

— “А, к примеру, отливные трубы” — невозмутимо отвечал капитан.

Мушкетер носил с запасом, а теперь выбрал в туговую обтяжку — застегиваясь, втягивал живот до позвоночника.

Капитанармус неодобрительно покачивал головой.

— “В энтот, к примеру, “Гром победы”, не сыграешь. Дух соплет!”

— “А мне что!” — отвечал Феодосий. — “Не в оркестре”.

— “А зачем статуем ходить? У статуй, к примеру, все прочие к коже приклеено. А у живого человека промеж одежды и тела должен сквозняк продувать”.

И сообщил нашему дядьке:

— “Втыкался безусый с копытами. А как зачнет перед ней на коленях ползать, ахоть да охоть, так все пуговицы к сивому мерину и поотскакивают”.

Жил кадетик Феодосий и упрямо отворачивался от всех девиц.

— “Пропали они, дуры батистовые! Хотя бы и не рождались!”

Влюбился и сразу переменялся.

Попались в его руки открытки с головками каких-то красавиц и у каждой напел Катюшины черты.

— “Посмотри-ка, вылитая Катя. Глаза, правда,

нессобенно похожи... И нос тоже... И подбородок. Зато ушки точь в точь”.

— “А шея у Катюши много толще”.

— “Как раз врешь, врешь и врешь!” — возмущался Феодосий. — “Шейка у нее лебединая”.

И в книгах выискивал героинь похожих на нее — даром терял время. Оказывалось — Наташа Ростова, Барышня-Крестьянка, Княжна Мэри, даже женщина-вампир из криминального американского романа — были Катей, только в разных ролях и костюмах. А над стихотворением Тургенева “Как хороши, как свежи были розы”, задумался. — Которая из девиц являлась прообразом Кати? Та ли, что выжидала появления первых звезд, или та, что играла Ланерровский вальс, под воркотню патриархального самовара?

И нерешительно спросил:

— “Как ты думаешь?”

— “А черт их знает!”

— “Циник! Свинья! Изуит!” — орал Феодосий. — “Разве это по товарищески?”

И дожился мой Феодосий до того, что одноклассники с беспокойством спрашивали:

— “Феодосий! Слышь, Феодосий? Ты накормил мышей?”

По субботам учащаяся молодежь встречалась около любимой церкви на Медовой улице. Иногда после вечерни удавалось скрыться от любопытных посторонних глаз. Под покровом вечера гуляли парочками в скверах и по безлюдным переулкам, как взрослые под руку. Зимой прятались от холода в кинематографических сиденьях рядышком в тепле и темноте.

До встречи с Катей Феодосий обходился без кошелечка. От многодетного отца, пехотного капитана, получал целый месяц, а для такой суммы кошелек вещь излишняя.

И не тужил — как-то хватало, оборачивался.

Но любовь требует расходов. Букетики ландышей, чашки шоколада, пирожные, билеты на Веру Холодную, лодки в Лозенковском парке даром не дают.

И вот случилось...

— “Не сходится пасьянс” — горестно вздыхал Феодосий, пересчитывая наличность. — “Например, трамвай вычеркиваю, свечку тоже. На две тарелки — по серебряному пятак, а в Катюшину кружку гривенник, и уже, не пито, не едено, двугривенный. А ведь это, дружище, семь пирожных. Или десять бутоньерок, или на два часа лодка — подумай только, целых два часа гребли и блаженства”.

— “На тарелки довольно и по алтыну” — уверял я, желая успокоить друга.

Феодосий даже испугался.

— “Как по алтыну? От кавалера с алыми погонами и медяки? Нет, брат, не переживу”.

— “Как начнут собирать, стругны на паперть — справиться, покурить”.

А он отмахивался руками.

— “Раз пять стругал! Если еще — окрестят зай-

цем. У них языки — бритвочки. Как не крути, одно спасение... в аранстве”.

И решил урвать от Божьего храма хоть гривеник, съэкономить для подарка Катюше, а заодно и пыль в глаза пустить.

Медную армейскую пуговицу осторожно расплюснул молотком, так, чтобы не испортить рельефного орла, натер ртутью и залюбовался.

— “А ведь полтинничек на ять!”

От радужных чувств даже запел:

— “На стальном велосипеде
Прикачу на тет-а-тет,
И на этом тет-а-тете
Вы мне скажете ответ”.

Собираясь на Медовую, начищали сапоги до солнечного блеска, стягивали лакированными кушаками талии и выглядели, как скрипки. От такого зажима тикало в висках, из глаз вылетали красные и зеленые точки, ломило бедра. Но, несмотря на муки, весело шагали по нарядным варшавским улицам и задорно думали: “Вот, подпрыгнем, взмахнем крыльями и полетим!”

В церкви нервно-радостное настроение обострилось еще больше.

Феодосий наскоро крестился, крутил пальцами около воротника, оглядывался, шарил глазами и затем сообщал:

— “Катюша здесь”.

Свою симпатию я не искал, она пела в хоре. Но мне казалось, что на короткие моменты ее звенящее сопрано покрывало все голоса, вырывалось, как стремительная птица, из общей стаи, улетало вверх под купол и билось о стекла узких окон.

А думали мы о весне... О встрече и прогулках глаз на глаз в укромных скверах, где сливались запахи первого цветения и прелой земли. Где из молодой листвы выглядывали электрические фонари, похожие на золотые звезды.

Юность скрытна, застенчива, немногословна, но богата переживаниями “на всю жизнь”.

Только сильные, неизъяснимо приятные удары сердца отстукивали минуты никем не стесненной близости.

Думали и тревожились, потому что красавицы склонны к изменам.

Предугадывали в каком настроении наши бабышки.

И шептали губы: “Полай, Господи”.

В середине службы три гимназистки-сборщицы, словно подобранные художником, обходили ряды молящихся.

Впереди с тарелкой смуглая брюнетка Верочка, вылитый Васнецовский ангел. Потом, тоже с тарелкой, бронзоволодая Ира. У ней высокие дугобразные брови и над приподнятым подбородком капризные губы. И, наконец, с блестящей кружкой, Катюша — за-

дорно курносенькая, рослая, высокогрудая, две золотых косы ниже талии, а лицо отмечено светлой улыбкой. В этой тройке сочеталась вся красочная гамма молодой, зовущей жизни.

Низко склоняли красивые головки перед каждым жертвователем.

В тот памятный вечер Феодосий ловко присоединил к серебру на тарелках оба своих пятака. Никто и не заметил пятаками или двугривенными обогатил церковную казну.

А медный полтинник повернул орлом вверх, чтобы увидела Катя.

“На, мол, полюбуйся, чем собираюсь осчастливить”.

Донес его плавно и неторопливо до кружки, до самой щелки и разжал пальцы... Но, не тут то было — полтинник в щелку не пролезал.

Надавил слегка — не лезет!

Нажал сильнее — застрял!

Ткнул так, что готовая разразиться хохотом Катюша, присела.

Бедного Феодосия прошибла испарина. Ярче алых погон вспыхнули щеки, на лбу вздулись жилы, но он упорно проталкивал пуговицу.

— “Уроню кружку...” — умоляюще шептала девушка, делая невольные книксены.

Решив, что окончательно пропал и терять больше нечего, Феодосий облапил одной рукой кружку, прижал к груди и, рискуя сломать палец, изо всей силы надавил на злополучный полтинник.

— “Про-ле-зешь...” шипел сквозь зубы.

Кружка громко звякнула. Дожал таки, всунул!

Стоявший рядом студент от души восторгался.

— “Вот это здорово! По военному, с музыкой!”

А друга моего словно пришибло. Остолбенел, как только что приговоренный к смерти. Он был уверен — не только Катя, но и все люди и даже стены заметили его обман. И что же могли подумать о нем, о кадете с алыми погонами?

Я чувствовал, в нем шла жестокая борьба — как поступить? Скронить ли невинную рожу и этим молча заявить: “Деньга-то самая настоящая, да кружка не для полтинников”. Или — бежать без оглядки.

И Феодосий исчез.

С Катюшей и моим “сопрано” я встретился у паперти. И Катя, увидя меня одного, удивилась.

— “А где же фальшивоманетчик?”

— “Сгорел со стыда, а где пепел, не знаю”.

И девушка совсем расстроилась.

— “Удрал? Ну, подумайте! Ведь Бог простит. Не от подлости это, не от жадности, из-за безденежья. Ах, скверные деньги- Успокойте его. Америку открыли раньше Колумба. Староста после каждой службы вынимает из кружки целую коллекцию пуговиц. По ним и определяет: “На этой неделе, говорит, гимназисты и реалисты церковь прогуливали, а коммерсанты храм Божий не забывали”. И никто не ругается, не сердится. Давным давно поняли и привыкли”.

— “Стыдно ему перед вами, Катюша”.

— “Глупости!” — и прыснула со смеху. — “Но до чего упрямый медведь. Чуть кружку не вышиб! Другой бы растерялся, а он втиснул. А знаете, почему не пролезала? Ушко плохо прижал”.

— “Не хотел орла портить. Эстет”, — застучался я за друга.

— “Вот что...” — тут же решила Катюша. — “В церковной конторке гряда пуговиц. В понедельник со знакомым приходящим кадетом отправлю ему целый капитал... Самых подходящих, отборных, чтобы он, бедняжка, не мучился с молотком и ругутью. Надо же помочь! А вы объясните... хорошо? Но, зачем же он убежал?” — топнула ножкой... И вдруг, сорвалось признание. — “Ведь я его, сорванца, после этого еще больше...”

И осеклась, смутилась, зарделась до ушей.

— “Только... Слышите ли? Я вам верю... Ни единого звука... Я сама, потом... Нанишу...”

— “Не беспокойтесь, Катюша”.

В понедельник, на утренних занятиях, сидел мой Феодосий мрачным, даже слегка посеревшим. Со мной, свидетелем его позора, ни слова.

А когда приходящий кадет вручил ему Катюшину посылку, хорошенький шелковый мешочек, туго набитый пуговицами, подпрыгнул, как ошпаренный. Даже голос перехватило. Вытаращил глаза и захрипел:

— “Вот, брат, оплеуха!”

И хладнокровно спросил:

— “Почему?”

— “А, это? Вот это, что по твоему?” — и ну, совать мешочек в самый мой нос.

— “Стой, тронутый! Понягь не можешь, вовсе сдурел! А получил ты подарок от чистого сердца. Чтобы молотком пальцы не отбивал, чтобы казенных термометров не портил. Прислала тебе отборных, благополучно побывавших в церковной кружке. До конца учебного года хватит, а израсходуешь — приплет еще. Там их целые горы. Сама говорила: “Если-бы все пожертвованные пуговицы превратились в деньги, позолотили бы церковь от наперти до крестов”.

— “А что еще говорила?” — и глаза Феодосия загорелись, как у насторожившегося кота.

— “И еще кое что...”

— “Что, что?”

— “Потом узнаешь”.

— “От кого?”

— “От нее”.

— “Важное?”

— “Ну, конечно”.

— “Очень важное?”

— “А, ну тебя к лешему!” — оборвал я, боясь проговориться.

В следующие дни он часто вынимал из парты мешочек, встряхивал его и испытующе поглядывал на меня.

— “Брось козырять полтинниками, выбирай беляшечки, блестящие, от подштанников — аккурат под

гривеники” — подбадривал я. — “А остальными обрадуй ротного портного”.

— “Под гривеники, говоришь?” — и решал в уме — издеваюсь я или нет.

Чистая душа Феодосия мучилась.

И вот, когда синие ночники чуть освещали спальню, в окна заглядывали звезды, а в открытые форточки влетал душистый ветерок, под ровное дыхание сотни спящих юношей, Феодосий сообщил мне вздрагивающим шепотом:

— “Я, брат, тогда сгоряча и от безвыходности расплющил пуговицу... А потом разобрался... ведь это... сам понимаешь... да еще из церковной кружки... А без проклятых пуговиц не вывернусь. Вот и придумал... записывать долг... до производства в офицеры... ждать не так уж долго. А тогда... в этом клянусь... каждый раз в кружку полтинник... пока не отплачу... даже с жидовским процентом. И вот сейчас на душе полегчало”.

Нет ничего лучшего на свете, как дней искреннего покаяния. И я знал, что Феодосий клятву исполнит.

В “чистилке” на широком подоконнике полулежал старый, давно непригодный в швальне, портной. И всегда дремал, оттопырив нижнюю губу. Лохматая голова то падала на грудь, то вскидывалась и здоровенный кадык наровил прорвать шею. Левый борт его пиджака, утыканный иголками, до того просалился, что блестел, как лакированный, а наперсток, по-видимому, окончательно прирос к пальцу. Несло от него плесенью, махоркой и винцом, а вся работа заключалась в пришивании пуговиц и контрпогончиков.

Выбрав из присланного капитала “гривеники”, весь остаток Феодосий приподнес портному.

— “Извольте, пан портнуша”.

Физиономия старика расплылась, как сырое тесто.

— “Цела пуделка! О-о, денькую бардазю! А то велит: “на, вшей”, а пуговку сгубят. А я же, прошем пана, не интендантство”.

А еще дня через два, на залитой солнцем полянке лазаретного сада, отхватывал Феодосий, не жалея ног, какой-то дикий танец.

Крутился волчком и во всю горланил:

— “Никогда того не знаешь,

Где найдешь, где потеряешь.

Эх, пуговка, эх орластая!”

И я оказался единственным, случайным зрителем такого редкого балетного номера.

— “Что ты потерял, бешеный?”

— “Ничего!” — еще громче заорал Феодосий.

— “Значит, нашел?”

— “Ну, конечно, ваше благородие!” — и он помахал над головой письмом в узком бежевом конверте.

Преуспел мой голубоглазый друг и в любви.

Радовался он так, как можно радоваться только один раз в жизни. Лицо его сияло счастьем.

Н. Турбин

КОЕ-ЧТО О СКОБЕЛЕВЕ

Хотелось-бы, чтобы эпизод, о котором идет речь, послужил небольшим дополнением к прекрасным статьям Г. Месняева о Скобелеве, печатающимся в "ВЕСТНИКЕ". Для нас Скобелев — уже история и наш долг будущему о том, что мы слышали и знаем о нем. Еще несколько лет, уйдет из жизни еще один очевидец, пойдет на макулатуру еще одна зарубежная библиотека и где-то сторят никому ненужные письма и никто не узнает много из того, чем и как жила когда-то Старая Императорская Армия.

Михаил Дмитриевич Скобелев, как известно, вышел лейб-гвардии в Гродненский гусарский полк. Полк — блестящий. Стоянка — чего лучше — Варшава. Корнет Скобелев не занял в полку первого ме-

ста. Были другие, может быть, лучше... А быть первым и единственным всегда и во всем, в хорошем и в дурном — было сущностью натуры Михаила Дмитриевича. Он начал со второго, с дурного. Не было в полку кутежа или скандала, в котором бы он не играл главной роли. Начальство смотрело на него косо, полковые дамы его "снобировали", товарищи начинали избегать. Был недалек тот день, когда ему пришлось бы уйти из полка... И вдруг... все переменялось — Скобелев стал любимцем товарищей и баловнем начальства...

Как-то утром, на рассвете, небольшая компания господ офицеров, после очередного "бума", верхом, уж неизвестно на какой предмет, оказалась на берегу Вислы. Была ранняя весна. Перед ними, в предразсветном тумане, чернела река, по которой, шурша и сталкиваясь глыбами льда, шел ледоход. Где-то на-

верху шумели деревья Уяздовской аллеи и догорали уличные фонари. Веселая Варшава, "маленький Париж", Варшава, пахнувшая по утрам венским кофе, духами "Vera Violette" и молодыми почками тополей, еще не проснулась...

— Неуютно, сказал кто-то, глядя на темную реку, — пожалуй, теперь не переплыть...

— Я переплыву, вдруг, среди общей тишины, раздался голос Скобелева, — а вот ты, немец, не переплывешь и, он, обернувшись на седле, указал стиком на грудь стоявшего сзади молоденького, только что выпущенного в полк, корнета Вейса.

Это был так неожиданно и грубо, что всем стало неловко. И вдруг, произошло нечто совсем чуждое и дикое, — Вейс дал шпоры коню и бросился в Вислу... Все видели, как лошадь бултыхнулась с размаху по уши, ушла в темную воду, как почернел и сразу набух доломан всадника. Все оцепенели...

— Вейс, назад!... С ума сошел, потонешь!... очнулся, наконец, кто-то.

Но Вейс только махнул мокрым рукавом и поплыл дальше. Все видели, как молодая, не натренированная лошадь Вейса все глубже и глубже уходила в воду, делая судорожные движения головой. Как огромные льдины среднего течения реки обступили, толкая плывущих. Злая шутка Скобелева принимала трагический оборот.

— Господи! да что-же это?... Потонет! обязательно потонет!... послышался чей-то шепот. — Э-эх ты... и все глаза обернулись теперь на Скобелева. Он сидел неподвижно на своем великолепном "Тимуре", белый, как бумага, и, покусывая губу, смотрел вдаль.

Потом, словно очнувшись, он рассеянно перекрестился и толкнул лошадь шенкелями. Его, на диво вышколенный конь, не спеша, вошел в темную воду и поплыл... Он догнал Вейса на середине реки, в тот страшный момент, когда лошадь последнего уже шла ко дну. Через четверть часа, Скобелев, с совершенно обезсиленным Вейсом, были на этом берегу, а еще через четверть часа вся компания пила "дежурный флакон": в уютной гарсоньерке небезызвестной, в те времена в Варшаве, панны Язи, что на улице Козьей.

Как все это далеко, сумбурно, нелепо и... как все это ослепительно красиво!

Сообщил Кирилл фон-Морр

Знак Отличия Военного Ордена

Знак Отличия Военного Ордена был учрежден Императором Александром I-м 13-го февраля 1807 года для награждения нижних чинов “за заслуги боевые и за храбрость против неприятеля оказанные”. В эти годы Россия была вовлечена в тяжелую борьбу с Наполеоном, от исхода которой зависело самое существование Империи и которая требовала от народа еще небывалого дотоле напряжения сил.

До учреждения Знака Отличия Военного Ордена для награждения унтер-офицеров и рядовых существовал только Знак Отличия Святой Анны, учрежденный Императором Павлом I-м 30-го октября 1796 г., который жаловался за 20 лет безпорочной службы.

Пожалование нижних чинов Донатом Ордена Иоанна Иерусалимского прекратилось со вступлением на Престол Императора Александра.

Потребность в Знаке Отличия для награждения нижних чинов, “кои во время военных действий отличили себя особливим мужественным поступком”, была очевидна, особенно если принять во внимание, что во французской армии нижние чины награждались Орденом Почетного Легиона, а за четыре месяца до учреждения Знака Отличия Военного Ордена в союзной нам Пруссии был учрежден для награждения нижних чинов Военный Знак Отличия (Militär Ehrenzeikhen), носившийся на ленте Ордена Красного Орла и по виду почти подобный Знаку Отличия Военного Ордена.

Знак Отличия Военного Ордена, как указывает самое его наименование, сопричислялся Военному Орденому Св. Великомученика и Победоносца Георгия, носился на ленте этого ордена и при учреждении имел лишь одну степень. На обратной стороне Знака выбивался порядковый №, который дает возможность определить за какую кампанию Знак был пожалован.

Первым кавалером Знака Отличия Военного Ордена был Кавалергардского полка унтер-офицер Егор Матюхин. В числе полков, получивших Знак Отличия Военного Ордена от № 1 и до № 2000, были: Л.-Гв. Преображенский — 2, Л.-Гв. Семеновский — 438, Л.-Гв. Егерский — 177, Кавалергардский — 7, Л.-Гв. Конный полк — 175 и Л.-Гв. Гусарский — 1351.

Полковник А. А. Зайцев в своем историческом очерке “Орден Св. Великомученика и Победоносца Георгия” дает число награждений Знаком Отличия Военного Ордена за наполеоновские войны (1807-14 г.) в цифре 41.722. В. С. Степанов и Н. И. Григорович дают следующие цифры пожалований: от 1807 и до 1811 г. было 12.871 пожалований, за “Великий” 12-й год 6783 пожалования, а за все Царствование Императора Александра I-го было 46,527 пожалований.

Кроме нижних чинов Русской Армии Знак Отличия Военного Ордена жаловался также и нижним чинам союзных армий. Так по спискам Капитула Императорских Орденов известно, что за кампании 13 и 14 г.г. нижним чинам Прусской армии было пожаловано 1951 Знака Отличия Военного Ордена, а нижним чинам Шведского корпуса, который, как известно, участвовал под командой Наследного Принца Бернадота в войне против французов, было пожаловано 200 Знаков Отличия Военного Ордена (с № 44.075 и по № 44.274 включит.).

Оставшиеся после умерших нижних чинов Знаки Отличия Военного Ордена подлежали возвращению в Орденский Капитул. Из сего правила, однако, были изъятые Знаки Отличия Военного Ордена, пожалованные нижним чинам союзных армий. Сии знаки не возвращались в Россию, но “после умерших оные возлагались на других, кои также по отличиям, в означенные годы оказанным, признаны того достойными”.

В 1833 году, одновременно со 2-м Статутом Военного Ордена Св. Великомученика и Победоносца Георгия, было установлено пожалование банта за последующие после награждения Знаком Отличия.

Полковник Зайцев дает следующие числа пожалований Знака Отличия Военного Ордена в царствование Императора Николая I-го: За Персидскую и Турецкую войны — 11.993, за усмирение польского мятежа — 5.888, за Венгерский поход — 3.222, причем награждены были и нижние чины австрийской армии, на которых было распространено и правило о невозвращении Знаков в Капитул, за Восточную войну — 24.150. К этому числу следует прибавить награждения Знаком Отличия Военного Ордена участников войн на Кавказе, каковых награждений с 1817 г. и по 1854 г. было 27.000. Таким образом, за все царствование Императора Николая I-го было свыше 70.000 награждений.

Цифры, данные Степановым и Григоровичем, не вполне соответствуют цифрам полковника Зайцева, но и не сильно от них отличаются. По данным Степанова и Григоровича, со времени учреждения Знака Отличия Военного Ордена в 1807 году и до учреждения Императором Александром II-м четырех степеней Знака, было всего 114.424 награждения.

Что касается Знаков Ордена Военного Отличия, пожалованных нижним чинам Прусской службы, то в 1836 году у прусского военного министра было запрошено, сколько участников походов 1813-14 г.г., находится еще на действительной службе, и в декабре того же года был получен ответ, что на действительной службе находятся 827 человек. В Архиве Капитула отмечено, что им было выслано 827 Знаков Отличия Военного Ордена.

В 1837 году право ношения Знака Отличия Военного Ордена было распространено и на успешных в

отставку участников походов 1813-15 г.г. Право это было дано "по правилам Железного Креста", т. е., по истечении 34-х-летнего срока.

В 1839 году Капитулу Орденов было Высочайше предписано заготовить особые Знаки Отличия Военного Ордена для отставных нижних чинов Прусской армии. Согласно этого предписания 22-го июня 1839 года. Капитул представил на Высочайшее усмотрение рисунок креста, на котором предполагалось изобразить вензель Императора Николая I-го, а порядковый № обозначать римскими цифрами. По рассмотрении оказалось, римские цифры на сторонах креста не умещаются. Дабы изобразить № 3888, потребовалось бы 15 цифр, а на сторонах креста возможно было уместить только 6 цифр.

На подлинном докладе собственной Его Императорского Величества рукою было написано карандашом: "Вместо Н, на обороте сверху вырезать А I и № арабскими цифрами на обыкновенном месте" (29 июля 1839 г.). В конце ноября 1839 г., 4.500 знаков утвержденного образца. были выбиты С.П.Б. Монетным Двором с порядковыми номерами от 1 до 4.500.

29-го июня 1841 года флигель-адъютант Его Величества Короля Прусского, полковник Раух, уведомил Капитул о раздаче 4.264-х знаков и о возвращении 236 знаков, так как остальные, ушедшие в отставку нижние чины Прусской армии, либо умерли, либо не были разысканы. Сии 4.264 кавалера были внесены в списки Капитула под №№ Знаков, а возвращенные Знаки были оставлены на хранение на случай отыскания нижних чинов, коим они следуют.

19-го февраля 1856 года Император Александр II-й установил 4 степени Знака Отличия Военного Ордена, причем 1-я и 2-я степени золотые, а 3-я и 4 серебряные. 1-й и 3-й степеням Знака были также приданы банты из георгиевской ленты. С разделением Знака на 4 степени, старый порядковый № прекратился и начались новые порядковые №№ уже по степеням, отдельные для каждой степени.

В царствование Императора Александра II-го, были следующие пожалования Знаком Отличия Военного Ордена: за войны на Кавказе — 25.372, за Русско-Турецкую войну — 46.000, за походы в Среднюю Азию — 23.000.

В царствование Императора Александра III пожалований Знаком Отличия Военного Ордена, по-

видимому, не было или они были, в виду отсутствия войн, весьма немногочисленны.

В царствование Императора Николая II-го за Русско-Японскую войну. было Знаком Отличия Военного Ордена награждено 87.000 кавалеров. Читатель заметит, что количество награждений Знаком Отличия Военного Ордена все время увеличивается, но следует принять во внимание, что и количество участников войн все время росло.

Если за Отечественную войну и было лишь 6.783 пожалований, то и количество нижних чинов в ней участвовавших не превышало, по новейшим понятиям, одной армии. С другой стороны, если разделение Знака Отличия Военного Ордена на степени и несколько снизило значение низшей степени Знака, то оно, конечно, весьма повысило значение 1-й степени.

Статутом Военного Ордена Св. Великомученика и Победоносца Георгия 1913 года, Знак Отличия Военного Ордена был переименован в Георгиевский Крест, сохранив, однако, его прежний вид и разделения на степени.

За Первую Мировую войну пожалования Георгиевским Крестом значительно превысили миллион. Для обозначения порядкового № на верхней стороне Креста выштамповывалось "I M", а остальные цифры помещались попрежнему на сторонах Креста.

10-го сентября 1916 года, Высочайше утвержденным мнением Совета Министров были отменены законоположения определяющие количество золота и серебра в орденах, Георгиевских Крестах, медалях и иных знаках отличия. С этого времени Георгиевские Кресты изготовлялись из белого и желтого металлов. Кресты этого рода имеют на сторонах под порядковым № буквы "В — М" и "Ж — М".

Постановлением временного правительства от 24-го июля 1917 г., награждение Георгиевским Крестом было распространено на офицеров. Было также установлено пожалование к Георгиевским Крестам лавровой ветки, как знака особого почета. Ветки эти делались по цвету металла Креста.

Георгиевский Крест глубоко вошел в душу и сердце русского человека и даже в советской России не только разрешается ношение его старым кавалерам, но и многие советские знаки отличия носят на Георгиевской ленте.

Е. Молло

БУНТ У КУБАНЦЕВ

ИЗ ХРОНИКИ НИЖЕГОРОДСКОГО ПОЛКА

3-го марта 1861 года полк потребован спешно в г. Ставрополь, где произошли беспорядки среди Кубанского войска. Ходили темные слухи о том, что весь Хоперский полк (в административном отношении, станицы образовывали полки), поголовно назначенный к переселению на новые передовые линии, отказался исполнить это требование, так как казаки находили подобный способ переселения для себя невыгодным и даже нарушавшим их войсковые привилегии. Они не отказывались отдать в распоряжение правительства все свои наличные боевые силы, испытанные и закаленные в порубежной войне, но не хотели разрушать своего экономического благосостояния, нажитого веками, и поставить лицом к лицу с неприятелем своих жен, детей и стариков — все это дорого казаку-семьянину.

По случаю сильных волнений, войска в окрестностях Ставрополя были усилены и два дивизиона Нижегородского полка получили приказание расположиться в станице Николаевской, а третий дивизион в станице Убежной.

Из расспросов жителей можно было только понять, что казаки требовали переселения по их стародавним обычаям, по жребию или по приговору общества, без всякого вмешательства со стороны администрации. Это было их право и нарушение его вызвало в станице сильное брожение.

Так наступила весна, когда передовому эшелону Хоперского полка приказано было выступить на новую линию.

В назначенный для этого день, казаки, действительно, собрались в станицу Александровскую, но вместо того, чтобы готовиться к походу, выгнали полкового командира, отняли знамена и требовали предъявления им Царского Указа, без которого не хотели сделать ни шагу. Такого Указа не было и местные власти поставлены были в большое затруднение. Приведенный сюда батальон, имел неосторожность зарядить ружья на глазах казаков и этим вызвал целую бурю. Казаки зарядили винтовки и заявили, что будут с таким же упорством отстаивать свои привилегии, добытые кровью их отцов и дедов, с которыми те отстаивали когда то рубежи русской земли.

К Александровской станице спешно двинуты были еще два батальона нехоты и весь Нижегородский драгунский полк под общей командой командира полка полковника Граббе. Войска расположились перед станицей, а казаки со своей стороны поставили аванпостную цепь, которая никого не пропускала.

При таком напряженном состоянии обеих сторон, один опрометчивый шаг мог вызвать целые потоки крови. Чтобы избежать таких печальных последствий, грозивших краю целой катастрофой, полковник Граббе взял поручика Лужина и вдвоем с ним отправился

в бунтующую станицу. Пикетные казаки пропустили их свободно. Ворота в станицу были залпеты, но их тотчас открыли и урядник Басов, старый ветеран, с белой бородой и тремя Георгиями, встретил Граббе с обычным рапортом.

Этот Басов был выбран казаками в главные начальники движения и потому явился в сопровождении конвоя из 80 человек, которые находились при нем неотлучно.

“Здорово, Басов! Здорово, молодцы Хоперцы”, — приветствовал их Граббе и ответный крик: “Здравия желаем”, дружно подхваченный сотнями голосов, вовсе не показывал никакого мятежного настроения. Порядок везде был образцовый. Граббе объявил, что будет здесь ночевать и приказал собрать стариков, с которыми хотел говорить о деле. Подъезжая к ственному для него помещению в доме бывшего командира полка, Граббе с удивлением увидел почетный караул, встретивший его с воинскими почестями. Явились и старики. Граббе беседовал с ними долго и вынес убеждение, что весь этот мятеж — одно громадное недоразумение, которое, для общего блага, нужно было разъяснить, как можно скорее. Он тотчас написал об этом в Ставрополь и, может быть, первый выставил события в их настоящем свете.

Но пока ожидали ответа, случилось одно происшествие, показавшее, какие ничтожные причины могут иногда дать повод к крупным и уже ничем не вознаграждаемым последствиям.

Однажды ночью в станице ударили в набат и улицы мгновенно наполнились бегущими казаками. В общем шуме ничего нельзя было разобрать, кроме каких-то угроз и даже мятежных возгласов. Очевидно, вспыхнул бунт, но никто не знал, почему он вспыхнул. Первым побуждением Граббе было послать урядника в отряд с запиской, чтобы войска отнюдь не трогались с места, хотя бы услышали в станице даже сильную перестрелку. Только успокоившись на этот счет, Граббе вышел на крыльцо и приказал узнать в чем дело.

Оказалось, что казаки поймали трех солдат линейного батальона, забравшихся ночью в станицу и вообразили себе, что они хотели выкрасть у них знамена. Самое предположение о покраже знамен чрезвычайно удивило Граббе. Но тут же ему пришлось узнать одно любопытное и в высшей мере характерное обстоятельство. Когда вспыхнул мятеж, казаки прежде всего овладели своими знаменами и поместили их в отдельном доме, приставив караул в 500 человек, день и ночь не выпускавших из рук заряженных винтовок. Казаки берегли свои знамена пуще головы потому, что среди них уже сложилось такое убеждение, что, если знамена возьмут и отвезут на новую линию, тогда переселение полка неизбежно. “Тогда нам ко-

нец", — жаловались они Граббе. — Почему же копец? — спрашивал Граббе. "А то как же?", — отвечали ему старики, "где будут знамена, там должны быть и мы. Тут уж ничего не поделаешь. Бросай все, и дома, и семью и иди за ними. Без знамен, какие мы слуги царицы? Без них нам никак невозможно. Вот почему и бунт вышел, боимся, чтобы не взяли их у нас хитростью или наваждением. "Да вот", — прибавил один старик тапиственно, "двух солдат сейчас приведут к тебе, а третий, сказывают часовые, на их глазах в свинью перекинулся, оборотень значит. Так ему долго ли сделать какую-нибудь пакость".

Граббе не стоило большого труда убедить казаков, что солдаты пришли воровать не знамена, а кур, поросят и индюшек.

Удостоверившись в этом, казаки сами стали смеяться над своими опасениями и первые явились ходатаями за попавшихся солдат.

Между тем, через два дня после письма Граббе, в станицу прибыл Свиты Его Величества генерал-майор князь Святополь-Мирский и от имени командующего войсками объявил, что переселения в этом го-

ду вовсе не будет и что, во всяком случае, на это надо ожидать особого Высочайшего повеления... Тогда все успокоилось и волнение в войске погасло разом.

Замечателен был, между прочим, один случай, развивший на это сопротивление казаков взгляд простого русского солдата. Когда смута окончилась, то жители станицы Александровской по собственному побуждению выслали к войскам целые возы провианта, хлеба и водки, но Нижегородцы отказались принять их.

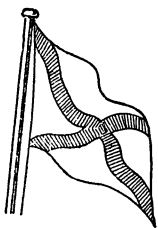
"Почему вы не принимаете то, что прислали вам казаки?" — спросил подполковник Макаров, собравшихся к нему вахмистров: "Солдаты очень обижаются" — ответил один из них, "и нам, говорят, от мятежников хлеба-соли принимать не приходится".

Это было сто лет тому назад. Впоследствии Хоперский казачий полк вошел в состав Кавказской Кавалерийской дивизии.

Драгунские полки этой дивизии — Тверцы, Нижегородцы и Северцы установили с Хоперцами, своими боевыми соратниками, прекрасные отношения.

Г. Тамуров

Р е д к и й д о к у м е н т

Передо мной довольно хорошо сохранившийся замечательный исторический документ:

"Его Величество Николай I-й, по милости Божьей. Король и Государь Черногории, — благоволил наградить Господина Михаила Любимова, Гардемарина, механика с крейсера "Рюрик", за оказанные услуги золотой медалью "За Ревность".

№ 368, в Цетинье, 15 августа 1910 г.

Нач. Отд. Орденов

Министр Иностранных Дел

Л. Толстович".

Этот, на заметно пожелтевшей, уже несколько изъеденной временем, меловой бумаге, Указ Черногорского Короля уносит нас мысленно в ту точку земного шара, где как раз и происходили отмеченные события.

...Ровно сорок лет тому назад, океанский пароход "Владимир", с риском выкупать в море, высадил нас в бурные ноябрьские сумерки у маленького приморского городка Бакар, совсем близко от известной австро-венгерской гавани Фиуме, находящейся в северо-восточной части Адриатического моря. Незваные, нежданные и никому ненужные, после спешной эвакуации Крыма (огромное большинство из нас пришло прямо с белого фронта с неостывшим еще оружием в

руках), мы мечтали лишь о передышке. И для начала нашли, правда совсем неожиданно, все условия для морального и физического отдыха на ... земляном полу какой-то разрушенной фабрики с зияющими дырами вместо окон и полусорванной ветрами, жестяной ржавой крышей. Холодный зимний дождь, да изурявший "норд-ост", безпрепятственно проникали в это "пересыльное" убежище обездоленных и бездомных, и буквально до едва выносимой физической боли обостряли жгучую тоску по вынужденно-оставленной Родине.

Впрочем, это "хождение по мукам" верных рыцарей прекраснейшей из Дам-России началось в ноябре-декабре 1920 года, как естественное следствие февральской и неизбежный результат октябрьской революции одного и того-же ураганного 1917 года, — документ же, с которого мы начали наши воспоминания относится еще к нормальным дореволюционным годам нашей великой Российской Империи...

Инженер-механик, старший лейтенант М. М. Любимов, по окончании Морского Инженерного Училища Императора Николая I-го, в Кронштадте в 1910 году плывал на Гардемаринском Отряде, который был отправлен в Черногорию, на празднества по случаю 50-летия царствования Короля Черногории Николая I-го. В Фиуме на Отряд прибыл Великий Князь Николай Николаевич, который являлся представителем Государя Императора и вез Королю Николаю фельд-маршальский жезл Русской Армии. С Отрядом он пошел до Антивари, а оттуда по железной дороге уехал в Цетинье, где происходили торжества.

С судов эскадры была командирована часть офицеров и корабельных гардемарин. М. М. Любимов был в их числе и получил упомянутую уже в Указе золотую медаль “За Ревность”, а офицеры ордена. Таким образом выпуск 1910 года, украшенный черногорскими медалями, стал носить прозвище “Черногорского”.

На обратном пути Русской эскадры, в Фиуме, чуть не разыгрался большой политический конфликт, когда австро-венгерская эскадра состоявшая из четырех или пяти крейсеров не ответила на салют нашего адмирала Маньковского и тот поставил австро-венграм ультиматум, что не выпустит их с рейда, пока не получит ответного салюта. (Австро-венгерская эскадра должна была на рассвете следующего дня уходить в море).

По приказанию адмирала, суда наши переменили места, — крейсер “Рюрик” занял место при входе на фиумский рейд, пушки же на других кораблях были паведены на суда австрийского флота.

Вот, что писал того же выпуска, ныне покойный, лейтенант Н. Д. Деменков в своих воспоминаниях:

“К 4 часам утра, из труб австрийских кораблей повалил густой дым, эскадра готовилась к съемке с якоря. В момент начала движения флагманского ко-

рабля, Русские корабли открыли бы по нему огонь. В такой, напряженной до нелзя, атмосфере, текли часы.

В 8 часов были подняты кормовые флаги. Верки крепости окутались дымом салюта Русскому флагу. Одновременно с судов эскадры вице-адмирала Монтеккули раздался салют Русскому Адмиралу. Произведи его, австро-венгерская эскадра снялась с якоря и направилась к выходу из бухты.

На русских кораблях команды стояли во фронте, оркестр играл австро-венгерский национальный гимн. С флагманского корабля эскадры австрийского адмирала мощно неслись молитвенные звуки гимна “Боже, Царя храни”.

Дело в том, что и крепость нам не ответила на наш салют Нации. Адмирал Монтеккули, на поставленный ему ультиматум, ответил, что на следующий день в 8 часов утра крепость салют произведет, но он не может, так как в 4 часа утра снимается с якоря. Наш адмирал задержал австро-венгерскую эскадру до подъема флага и заставил произвести требуемый салют.

Так было у берегов Адриатического моря в 1910 году под сенью славного Андреевского флага...

Н. Кадесников

Оборона города Ахалцыха в 1918 году

В “Военной Были” за июль 1958 года была статья подполковника Л. Сейфулина “Русские под Ахалцыхом в 1828 году”, из которой видно, сколько геройства оказали Русские войска и как труден был штурм этой, тогда турецкой крепости.

Мне, кадровому офицеру 20-й артиллерийской бригады, служившему в ней в Ахалцыхе по выпуске из Константиновского Артиллерийского училища с 1908 г. до 1914 г., совершенно случайно выпала честь принять участие в обороне этого города в 1918 году в качестве Начальника артиллерии, случайно, вот почему:

Перед выступлением на войну против Турции в 1914 году все имущество уходивших было сдано на хранение в артиллерийские цейхгаузы.

Окончание войны застало меня под Ригой, командиром 8 бат. III особого дивизиона, оттуда, для демобилизации направляясь в Рыбинск, под Псковом, я попал в плен к немцам, откуда удалось бежать к родным, в Тифлис, совершенно без всякого багажа, почему и решил поехать за оставленными вещами в Ахалцых, как предполагал на один-два дня.

Приехав в Ахалцых 30-го марта, остановился в семье нашего офицера М. Н. Савченко, единственного убитого в нашей батарее и сейчас-же отправился в цейхгауз за вещами. Они оказались уже разграбленными. Оставалось только, повидав своих знакомых, на следующее утро вернуться к родным в Тифлис.

Оказывается, узнаю, что за ночь Ахалцых окружен

турками и мусульманским населением окрестных деревень.

Через некоторое время явилась депутация во главе с городским головою (по фамилии кажется Зарьян) и просят меня, как кадрового, боевого и служившего здесь офицера-артиллериста, принять участие в организации обороны города, в качестве Начальника артиллерии за какое угодно вознаграждение. Я поблагодарил за честь оказанную мне, как русскому офицеру, выразил готовность всячески постараться быть полезным, от вознаграждения отказался и предупредил, что, при первой-же возможности, по открытии, уеду в Тифлис, а оттуда на Кубань, в Русскую Добровольческую Армию.

На этом и окончились наши переговоры и я, явившись Начальнику Обороны генералу Макаеву, узнал, что имеется здесь всего 2 легких полевых орудия и 2 крепостных, старинные пушки, для которых надо оборудовать позиции. Кроме того имеются не вполне еще сформированный 1 грузинский полк и 1 армянский батальон.

У неприятеля, численность которого неизвестна, артиллерии пока нет. Мы часто объезжали позиции и генерал Макаев старался воодушевлять население большей частью армянское.

Собственно об обороне можно сказать очень мало: она не представляла никаких трудностей, не было оказано и особого геройства. Защитники не понесли потерь ни убитыми, ни ранеными. У турок артиллерии

не было, а наш легкий взвод, едва было замечено начало продвижения, открывал огонь и неприятель возвращался на свои позиции и не показывался из своих окопов днями.

Так оборона длилась с 1 апреля по 4 мая 1918 года, когда, по условиям перемирия между турецким и грузинским правительствами, защитникам города Ахалцыха было предложено в трехдневный срок с оружием очистить город, что и было исполнено. Войска с населением по Боржомскому шоссе, через д. Ацхуры, переместились в Грузию.

Необходимо здесь подчеркнуть, что эта оборона сыграла большую роль в том отношении, что была избегнута армяно-татарская резня, которая неизбежно произошла-бы, если-бы туркам удалось занять город с боями. Известно, что при заключении мира Ахалцых все-же остался за Грузией, потеряна была вся Карская область и город Кагызман, место рождения Начальника Артиллерии обороны города Ахалцыха в 1918 году.

Полковник Юркевич

П И Л И Ц А

В конце 1914 года, наш Конный корпус генерала Гилленшмидта (1 и 2 гвард. кавалер. дивизии) отходил, отстреливаясь, от Ченстохова и Белхатова на Петроков и далее, до реки Пилицы, которую велено было удерживать до отхода пехоты.

Конный корпус весьма удачно сдерживал на своих плечах два пехотных корпуса противника (австрийский и германский), которым постоянно приходилось разворачиваться в боевой порядок и этим останавливать все движение. Наш корпус отступал медленно и, наконец, закрепился на Пилице. Через несколько дней, подошла наша пехота и задача кавалерии, затыкавшей прорыв, была выполнена. Подошли доблестные полки XIV корпуса и заняли наши позиции. Мы вышли из окопов, но оставались за пехотой. Штаб нашего полка стоял в местечке Посвентне.

10 декабря части нашей пехоты перешли вброд Пилицу, по которой плавали льдины и выбили про-

тивника из окопов. Наш полк стоял целый день подседланным, ожидая вызова на преследование. Но, к вечеру, обстановка на других участках сложилась так, что нашей пехоте пришлось отойти обратно, на эту сторону реки. И тут мы увидели, в наступающих сумерках, тени многочисленных людей, возвращавшейся из боя, пехоты. Люди шли вымокшие, усталые, но бодрые. Порой, слышался веселый разговор и шутки. Какой-то денщик подбежал, прося бурку для своего раненого и промокшего капитана и радостно унес ее в темноту. Тихо и торжественно проплыло старое боевое знамя и мы замерли, отдавая ему честь.

Мне захотелось узнать, какой это полк проходит в таком порядке после такого тяжелого боя и я громко крикнул: "Какая часть?" и восторженный молодой голос звонко заорал из темноты: "Остатки славного Рязского полка!"

(70 пехотный Рязский полк 19-й дивизии).

Г.

НА СКЛАДЕ ИМЕЮТСЯ СЛЕДУЮЩИЕ КНИГИ, ДОХОД ОТ ПРОДАЖИ КОТОРЫХ ИДЕТ В ПОЛЬЗУ ИЗДАТЕЛЬСТВА.

- Ген.-майор СПИРИДОВИЧ — Великая война и февральская революция, том I — 30 н. фр.
Ген.-майор СПИРИДОВИЧ — Великая война и февральская революция, том II — 30 н. фр.
Б. М. КУЗНЕЦОВ — 1918 г. в Дагестане — 8 н. фр. 75 с.
Б. М. КУЗНЕЦОВ — В угоду Сталину, том II — 11 н. фр. 25 с.
К. С. ПОПОВ — Лейб-Эриванцы в Великой войне — 25 н. фр.
Кн. П. П. ИШЕЕВ — Очерки прошлого (1889-1959) — 7 н. фр. 50 сант.
Г. В. МЕСНЯЕВ — За гранью прошлых дней — 12 н. фр.
Г. Б. АЛЕКСАНДРОВСКИЙ — Цусимский бой — 10 н. фр.
БУЛГАКОВ — Русский и германский военный мир о творчестве, К. С. Попова — 4 н. фр.
БОЙКОВ — Партизаны холодной войны — 4 н. фр.
МАРИНА ЦВЕТАЕВА — Лебединый стан — 5 н. фр.
Генерал А. А. фон-ЛАМПЕ — «Пути верных — 16,00 н. фр.

ХРОНИКА „ВОЕННОЙ БЫЛИ“

КОРНЕТ ПУГОВИЧНИКОВ

Так вместо “ума холодных наблюдений и сердца горестных замет” мысль моя поплыла к “Вестнику Русской Конницы”. Время точно остановилось на номере журнала с 1910 года. Рассказ был напечатан под заглавием “Корнет Пуговичников”.

Командир, кажется, Подольского Кирасирского полка позвал в полковую канцелярию корнета Пуговичникова и объявил ему: “Через год будет Высочайший смотр нашему полку. Строевой лошади я вам, корнет, не дам”.

— Господин полковник, я не имею средств купить себе лошадь. На чем же я выеду в строй?

— На корове, понятно?

— Понимаю, господин полковник.

Через год был смотр. Полк был построен развернутым фронтом. Царь ехал в коляске, за полверсты до полка Его ждала свита. Царю подали лошадь.

Тут то Его обогнал корнет Пуговичников, сидя на корове с полной парадной седловкой с вальтрапом. Крупной рысью он доскакал до своего взвода и стал в строй.

Император поздоровался с полком, спросил у командира фамилию корнета и галопом поскакал к корове.

“Корнет Пуговичников, на гаунтваху галопом марш”.

Пуговичников выехал из строя, на аллюре переменил корове ногу, взял барьер через низкий плетень и скрылся за постройками.

На лице грозного Царя сияла улыбка.

После смотра предполагался завтрак в Высочайшем присутствии, но командир полка после “коровы” не решился просить Царя.

— Собери всех офицеров и дай позавтракать в собрании.

Когда все сели, Царь спросил командира:

— А где Пуговичников?

— На гаунтвахте, Ваше Императорское Величество.

— Что ему пришло в голову?

Командир полка чистосердечно признался, что отчасти он сам виноват, но никогда не думал, что выездка коровы вообще возможна, да еще в такой короткий срок.

— Я тоже не знал, — ответил Царь, — с такими офицерами не пропадешь. Позови Пуговичникова.

Корнет Пуговичников явился.

— Возьмешь любую лошадь из моей конюшни, поедешь в Париж, там с тебя сделают статуэтку. Статуетка мне, а отливы Министр Двора разошлет по полкам, чтобы мои кавалеристы видели, как надо сидеть верхом.

— Понимаю, Ваше Императорское Величество.

— Возьми стул и позавтракай вместе с нами.

— Покорнейше благодарю, Ваше Императорское Величество.

Одна из этих статуэток хранилась в Белом Дворце в Лазенковском парке в Варшаве.

Сообщил В. Влазовит

КОРОЛЕВСКАЯ ПАНИХИДА

Император Николай I-й осматривал Лазенковский парк, остановился перед памятником Яна Собесского, изображавшего короля верхом под ногами лошади побитый татарин.

“Кому этот памятник”, — спросил Король Польский, Самодержец Всероссийский.

Граф Бенкендорф скромно ответил: “Королю Польскому Яну III-му”.

“Созвать дипломатический корпус и представителей населения, отслужить панихиду по Короле Польском”.

Отслужили панихиду в Лазенковской церкви. Царь усердно крестился. Никто ничего не понимал. Граф Бенкендорф однако осмелился: “Ваше Императорское Величество, почему мы служили панихиду по душе Короля Польского Яна III-го”.

“Не понимаешь. Мой родной брат. Было два дурака на свете — Ян III-й и я. Он спас Вену от татар, а я спас Вену от венгров”.

Извлек Н. Влазовит

ИНТЕРЕСНАЯ СПРАВКА

В книге Д. П. Струкова “Путеводитель по Артиллерийскому Музею”. 1912 г., в числе описываемых старинных орудий, имеется следующее:

“Пищаль медная, 1615, нарезная и заряжающаяся с казенной части посредством внешнего клина. На казенной части ее, кругом тела орудия, идет следующая курьезная надпись на латинском языке”:

“Magno domino tzari et magno duci Michaeli Theodorowits omnium ursorum”.

Что это описка или злонамеренная “ошибка” иностранного мастера?

Сообщил Н. И. Скрыбин

ДЬЯЧОК — УЛАН

В IX томе “Бумаг, относящихся до Отечественной войны 1812 года”, собранных и изданных П. И. Щукиным, находим очень любопытное и характерное обращение Луцкого духовного правления в Литовский уланский полк, о возвращении бежавшего дьячка Россовецкого.

Из Волынской Духовной Консистории
в Литовский уланский полк.

Волынская Духовная Консистория, слушав рапорт Луцкого духовного правления, коим по такому-же в оное таможенного повета благочинного местечка Рожиц иерея Иоанна Гвоздиковского доносит, что ведомства его села Теремного священнический сын Онуфрий Россовецкий, обучавшийся в Волынской семинарии риторике а после определенный, по резолюции Его Преосвященства господина Даниила, епископа Волынского, Житомирского и кавалера, к Луцкой соборной Крестовоздвиженской церкви, дьячком, самовольно поступил в Литовский уланский полк, ныне квартирующий Луцкого повета в местечке Домбровица, о доставлении коего Россовецкого за присмотром в правление, хотя сообщается было из духовного правления в Литовский уланский полк прошлого октября 21 и ноября 18 да сего 1812 года Генваря 12 дня, но на все

требования полк ни правлению не отвечал и показанного священнического сына Онуфрия Россовецкого не доставляет. Определили и Его Преосвященство утвердил: означенного дьячка Онуфрия Россовецкого самовольно в Литовский уланский полк квартирующий ныне Луцкого повета в местечке Домбровице поступившего и таковым самовольством обнаружившего непостоянное и худое свое поведение с каковым в духовном звании он терпим уже быть не может, на основании Указа Святейшего Правительствующего Синода 1807 года, февраля 12 исключив из духовного звания, оставить в военной службе без выслуги навсегда яко из бегов в оную принятого и о том в военную коллегия и в показанный Литовский уланский полк из Консистории сообщить.

Марта 2 дня 1812 года. Префект Протоиерей Киприан Суховский.

Извлек А. Г.

К заметке „Страшные удары“ ивана сагацкого (№ 44 «ВОЕННОЙ БЫЛИ»)

В сентябрьском номере “ВОЕННОЙ БЫЛИ” я прочитал в отделе “Хроники” небольшую статью Ивана Сагацкого, под заглавием “Страшные удары”.

Невольно ожило воспоминание о таких-же ударах. Если я не видел, как они были нанесены, то видел результаты, примерно через полчаса после нанесения этих, во-истину страшных, ударов. Я-бы хотел поделиться с читателями этими воспоминаниями.

В мае месяце 1920 года, перед нашим выходом в Северную Таврию, волею судеб, я оказался младшим офицером пулеметного взвода, командиром которого был поручик Де-Витт, потомок славного адмирала, как и я — киевлянин. Я нагнал дивизию у самого Сиваша и началась новая, увлекательная глава моей службы.

“Пулеметчики вперед!” Команда и мы, как “маховцы”, несемся на рессорных легких тачанках, запряженных тройкой и нагруженных тяжелым “Максимом”... Сзади, в трех-двух стах метрах — всадники... Первыми мы вошли в мутную воду Сиваша 25 мая 1920 года, перевоза пулеметы на лодках, а сами идя по грудь в воде. Справа гремели бронепоезда и били дальнобойные орудия Канэ. С этого дня начались марши и контр-марши, безконечные атаки, перестрелки с красной конницей, дни и ночи в седле, в душистых степях Таврии...

На пятый день, удалось заснуть, свернувшись в клубок, на большом зеленом сундуке, в богатой хате. Около трех часов, я был разбужен. Тревога... В одно мгновение, я был на своей тачанке, за мной следовала вторая и мы помчались вперед, к Ново-Алексеевке, где расположился наш штаб.

И вот, выходя на позицию, впереди спешенных всадников, на смятой траве и пшенице мы увидели страшные кучи “чего-то”... Это были изрубленные тела

солдат Калмыцкого полка, несшего сторожевое охранение перед Ново-Алексеевкой. Лежали они в одном белье, кучами по 10-20 человек. Захваченные врасплох красной конницей, около двух часов утра, они были целиком порублены. Один труп меня поразил: он был рассечен пополам, по самой середине, начиная от головы и до пояса. Крови не было ни капли и рассеченные части были похожи на анатомические модели из музея. Окраска их была бледно-розовая и отчетливо были видны в разрезе легкие, сердце и голова с мозгом, который не вытекал... Немного дальше, еще один труп, у него были отсечены левая часть головы, половина груди с левым плечом и рукой.... Тот-же отчетливый анатомический разрез и ни капли крови...

Это были “моментальные” фотографии, которые остались навсегда в моей памяти, как пример того что может сделать казачья пашка.

В. Рыжлинский

К СТАТЬЕ «ВОСПОМИНАНИЯ СТАРОГО КАВАЛЕРИСТА» В № 43 «ВОЕННОЙ БЫЛИ»

В № 43 журнала “ВОЕННАЯ БЫЛЬ”, помещены “Воспоминания старого кавалериста” полк. Эрика Гримм, касающиеся ротмистра 13 гусар. Нарвского полка барона Ренне. Я могу сообщить что у меня хранится, доставшийся мне от барона Ренне, полковой альбом.

Среди многих спортивных фотографий, имеется и снимок, описываемой полк. Гриммом, скачки в Царском Селе, на Большой Стиппль-чез, в которой участвовал ротмистр барон Ренне и, где погиб его знаменитый “Веракс”, сломавший себе позвоночник.

Глеб Байков

По поводу статьи «Учреждение орденов в Российском Государстве»

Нет сомнения, что журналы «ВОЕННАЯ БЫЛЬ» и «ВОЕННО-ИСТОРИЧЕСКИЙ ВЕСТНИК» служат незаменимым руководством и пособием для многочисленных собирателей Русской военной старины. В журнале «ВОЕННАЯ БЫЛЬ» № 44 была напечатана статья «Учреждение орденов в Российском Государстве» за подписью Е. Молло, в которой допущены неточности, которые и хотелось-бы устранить.

а) у автора на стр. 14 сказано: Орден Св. Андрея Первозванного учрежден 30 ноября 1698 г.

Поправка: нельзя определенно утверждать, что орден Св. Апостола Андрея Первозванного был учрежден именно 30/XI 1698 г., так-как, до сего времени, не установлено точной даты.

1) По Тауберту (История г. Азова, стр. 229), Орден Св. Апостола Андрея Первозванного учрежден 30 августа 1698 г.

2) По Корбе (в его сочин. на стр. 122), Орден Св. Андрея учрежден 10(20) марта 1699 г. См. Балтыш-Каменского «Историч. собрание списков кавалеров четырех Российских орденов», стр. VII и след.

3) В Придворном Календаре 1915 г., на стр. 577 сказано: сведения о времени учреждения Ордена Св. Андрея Первозванного различны, но, вероятнее, можно полагать, что это совершилось 10 марта 1699 г.

4) По Курасу (в его универсальной истории) орден учрежден 30 ноября 1698 г.

б) у автора, на стр. 1: сказано: § 297, жалуетый орденом Св. Апостола Андрея Первозванного, хотя-бы прежде не имел других Российских орденов, сим единым пожалованием должен быть почитаем равно-мерно кавалером *трех младших Российских Орденов*: Св. Александра Невского, Белого Орла и Св. Анны первой степени.

Поправка: надо было указать не трех, а четырех младших орденов, прибавив к указанным Орден Св. Станислава первой степени. Справка — Высочайшим Указом, данным Капитулу Орденов, 11 июля 1865 года, повелено: жалуетый орденом Св. Апостола Андрея

Первозванного, хотя-бы прежде не имели ордена Св. Станислава первой степени, признавать и кавалерами сего ордена, знаки коего и препровождать к ним из Капитула Орденов, вместе со знаками ордена Св. Андрея. Пол. Собр. Зак. № 42184.

В дополнение к замечательной статье Е. Молло об Ордене Святого Андрея Первозванного, хотелось-бы добавить еще два указа из Исторического Обзора: «Император Николай I, указом от 13 декабря 1831 г., объявил всех кавалеров Св. Андрея, кавалерами ордена Белого Орла, присоединенные от Польши к Российским орденам; но это право было предоставлено только кавалерам Св. Андрея, пожалованным после присоединения Белого Орла к Российской Империи». Пол. Собр. Зак. № 5013.

До указа 23 марта 1842 г., изданного Императором Николаем I, орденскою цепью Св. Апостола Андрея Первозванного жаловались только Русские подданные, но с того времени, это право распространено и на иностранцев, жалуетых Орденом Св. Андрея. Пол. Собр. Зак. № 15676.

М. Литвизин

К ЗАМЕТКЕ Г-НА ЛИТВИЗИНА

Выражая искреннюю признательность М. А. Литвинову за его комментарии к моей статье «Учреждение Орденов в Российском Государстве», я должен сказать, что дата учреждения Ордена Св. Апостола Андрея Первозванного взята мною из статьи фон-Винклера, находящейся в томе 43 Энциклопедического Словаря Брокгауз и Ефрон СПб 897 г., стр. 118. Я не знаю на чем основывается фон-Винклер, но признаю его неоспоримым авторитетом.

§ 297 Статута Ордена взят мною из «Учреждения Орденов и Знаков отличия». Свод Законов 1857 г., том I, часть II-я, тетр. 6.

Е. Молло

Систематический указатель журнала „Военная Быль“

№№ 1—30 (Окончание)

Заметки и справки:

Из прошл. рус. армии Заамурск. корп. погр. стра-
жи — № 18, май 1956 г., стр. 24.

Из прошл. рус. армии, о чинах, армии — № 17,
март 1956 г., стр. 28.

Немецкие казаки — № 30, май 1958 г., стр. 29.

Генерал Линеви́ч — № 30, май 1958 г., стр. 29.

Фельдгегерский корпус — № 21, ноябрь 1956 г.,
стр. 24.

Рота амазонок — № 26, сентябрь 1957 г., стр. 28.

О палестинском полку — № 26, сентябрь 1957 г.,
стр. 28.

Иностранные части в Русской армии — № 27,
ноябрь 1957 г., стр. 24.

Полковник Мосин, 3-х лин. винтовка — № 27,
ноябрь 1957 г., стр. 27.

Типы русских солдат — № 15, октябрь 1955 г.,
стр. 26.

Всеобщая воинская повинность — № 15, октябрь
1955 г., стр. 26.

Красота разных народностей — № 15, октябрь
1955 г., стр. 26.

Как зародилась наша военная литература — № 7,
октябрь 1953 г., стр. 45.

Перечень столиц взятых русской армией — № 13,
апрель 1955 г., стр. 24.

Честная книга — № 10, июль 1954 г., стр. 19.

О введении отдания чести — № 7, октябрь
1953 г., стр. 46.

Русские амазонки — № 28, янв. 1958 г., стр. 29.

Антология правовых добродетелей, герои духа —
№ 28, января 1958 г., стр. 24; № 29, март 1958 г.,
стр. 22.

Лубочные картины Восточн. войны 1853-1856 г.—
№ 29, март 1958 г., стр. 19; № 30, май 1958 г.,
стр. 16.

Формы, знаки и отличия:

Каска русского образца — № 21, ноябрь 1956 г.,
стр. 23.

Кульмский крест — № 4, январь 1953 г., стр. 3.

Еще о Кульм. кресте с точки зрения немцев —
№ 7, октябрь 1953 г., стр. 41.

Коллективные награды русск. армии из прошло-
го — № 12, январь 1955 г., стр. 25.

Кульмские торжества 1932 г. — № 27, ноябрь
1957 г., стр. 8.

Крест Виктории — № 20, сент. 1956 г., стр. 18.

О русской военной форме — № 20, сентябрь
1956 г., стр. 26.

О гренадерской форме — № 18, май 1956 г.,
стр. 24.

Записки медалиста — № 2, июнь 1952 г., стр. 4/;
№ 3, сентябрь 1952 г., стр. 48; № 18, май 1956 г.,
стр. 21.

Русская военная медалистика — № 9, апрель
1954 г., стр. 16; № 10, июль 1954 г., стр. 17; № 11,
октябрь 1954 г., стр. 20; № 12, янв. 1955 г., стр. 23;
№ 13, апрель 1955 г., стр. 22; № 14, июль 1955 г.,
стр. 25.

Герои и военные таланты:

Суворова победам — № 10, июль 1954 г., стр. 8.

Из старых военных былей — № 15, октябрь
1955 г., стр. 27.

О Суворове — № 16, январь 1956 г., стр. 28.

Из копилки солдата — № 16, январь 1956 г.,
стр. 29.

Светлейший Князь Голенищев Кутузов-Смолен-
ский — № 1, март 1952 г., стр. 25.

Фельдмаршал Кутузов — № 2, июнь 1952 г.,
стр. 7.

2 рескрипта Имп. Алекс. I, Фельдмаршалу Куту-
зову — № 2, июнь 1952 г., стр. 11.

Адмирал Нахимов — № 3, сент. 1952 г., стр. 2.

Ген.-Майор Кульнев и его гусары — № 25, июнь
1957 г., стр. 7.

Могила Героя — № 25, июнь 1957 г., стр. 12.

Генерал Кульнев — № 25, июнь 1957 г., стр. 13.

Генерал Кульнев и его гусары — № 26, сентябрь
1957 г., стр. 2.

Перед портретом Дорохова — № 17, март
1956 г., стр. 23.

Семья Скобелевых — № 25, июль 1957 г., стр. 1.

Могила Ермолова — № 17, март 1956 г., стр. 28.

О партизане Пренделе — № 8, январь 1954 г.,
стр. 15.

Медаль за Лейпцигскую победу — № 2, июнь
1952 г., стр. 13.

Е. П. Ковалевский — № 8, янв. 1954 г., стр. 16.

На Закате — № 8, янв. 1954 г., стр. 8; — № 9,
апрель 1954 г., стр. 11; — № 10, июль 1954 г.,
стр. 10; — № 11, окт. 1954 г., стр. 13; — № 12, ян-
варь 1955 г., стр. 13.

Генерал М. И. Драгомиров — № 27, ноябрь
1957 г., стр. 27.

Имена которых нельзя забыть — № 2, июнь
1952 г., стр. 42.

Е. Янковский

СБОРНИК ПАМЯТИ

ВЕЛИКОГО КНЯЗЯ КОНСТАНТИНА КОНСТАНТИНОВИЧА

ЦАРСТВЕННОГО ПОЭТА К. Р.

ИЗДАНИЕ СОВЕТА ОБЩЕ-КАДЕТСКИХ ОБЪЕДИНЕНИЙ.

Предварительная подписка принимается в редакции «ВЕСТНИКА»
61, rue Chardon-Lagache, Paris-16^e. —

Цена по подписке: зона франка — 20 нов. фр., зона фунта — 1 англ. фунт 10 шил.,
страны заокеанские — 5 америк. дол.

ПОКУПАЮ

военные книги, полковые знаки, погоны, эполеты, принадлежности форм обмундирования, военные гравюры и литографии, листы Висковатова, Пиратского и других. Предложения на адрес Издательства для № 1.

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ВОЕННАЯ БЫЛЬ».

Поступили в продажу открытки с изображением полковых знаков лейб-гвард. Егерского полка и Гвардейского Экипажа. На открытках изображены, фотографическим путем, оба фаса знака.

Цена — 1 NF.

Выписывать из Конторы Издательства.

ОТ ИЗДАТЕЛЬСТВА

В наше распоряжение поступило некоторое количество русских книг, старых изданий, для продажи в пользу Фонда Издательства. Книги все в полном порядке и продаются по очень дешевым ценам. Желających приобрести книги, за получением списков, просят обращаться в Контору Издательства.

Адрес на всех номерах «ВОЕННОЙ БЫЛИ» и «ВЕСТНИКА».

Значки Константиновского Артиллерийского училища

принимаются заказы на любое количество по цене 5 нов. фр., в странах заокеанских — 1 дол. 25 ц. без пересылки.

Значки Обще-Кадетского Объединения

принимаются заказы.

Цена — 2 н. ф. 50 с. В странах заокеанских — 75 ц. без пересылки.

Посылать деньги и заказы по адресу:

**M. Marine, 18, rue Plumet,
Paris-15^e.**

C.C.P. 9325-52, Paris.

Кадеты, окончившие Русский кадетский корпус в Сараево и Корпус Великого Князя Константина Константиновича, в Белой Церкви, могут получить установленный значек корпуса по адресу: *Mr. Ivanoff, 80, Av. Cor de Chasse, Bruxelles 17. C. C. Post.: 71-q4-55.*

Цена значка — 100 бельг. франк. с пересылкой заказным пакетом.

ПРИНИМАЕТСЯ ПОДПИСКА НА 1961 ГОД НА ЕЖЕМЕСЯЧНУЮ
ВОЕННО-НАЦИОНАЛЬНУЮ ГАЗЕТУ

„Вестник“

Издание Обще-Кадетского Объединения под редакцией А. А. ГЕРИНГА.

Одиннадцатый год издания.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ ПО АДРЕСУ РЕДАКЦИИ:

61, rue Шардон-Лагаш, Париж (16), а также у всех Представителей «ВОЕННОЙ БЫЛИ» и «ВЕСТНИКА».

Подписная цена с пересылкой на год:

7 Н. Фр., в странах заокеанских — 2 дол. 40 цен.

В газете — постоянные отделы: В порабоженной России, Кадетская жизнь, Нам пишут и друг.

Журнал «ВОЕННАЯ БЫЛЬ» можно получить:

Париж — в Конторе журнала — 61, rue Char-
don-Lagache, Paris (16^e) и в Русских
книжных магазинах.

Брюссель — у И. Н. Звездиной — 1, Chemin
Ducal, Tervuren, Bruxelles.

Лондон — а) у В. В. Барачевского — 23, Alder
Grove, London N. W. 2, б) у Д. К.
Краснопольского — 49, Penywern Road,
London S. W. 5.

Германия — у И. Н. Горайнова — Hamburg
Postamt 42 Postlagernd.

Копенгаген — у Г. П. Пономарева — Bred-
gade 53, Copenhagen.

Тунис — у Н. Ф. Гаттенбергер — Boulevard
de Flandre Megrine.

Италия — у В. Н. Дюкина — Via Nemorense
86, Roma.

Сев. Ам. С.Ш. — в Обще-Кадетском Объеди-
нении у В. А. Высоцкого 410, Ri-
vercide Drive Ap. 103 A. New-York 25.

Калифорния — в Обще-Кадетском Объединении
у Г. А. Куторга — 272, 2 avenue San-
Francisco 18.

Канада у Б. Л. Орешкевича — 167, Chisholm
Ave Toronto 13, ONT.

Австралия — а) у В. Ю. Степанова, 57, rue Bruce,
Stanmor (N. S. W.); б) у Н. А. Косач,
16, Valmai ave. King's Park, Adelaide.
South Australia.

Венецуэла — у К. А. Келльнера — 24, av.
Sarria, Caracas.

Аргентина — у Б. Н. Ряснянского — Obliga-
do 2130, Buenos-Aires.

Литературно-политические тетради

„ВОЗРОЖДЕНИЕ“

Независимый орган национальной мысли.

37-й год издания.

Адрес редакции:

73, avenue des Champs-Élysées, Paris-8.

„Морские записки“

под ред. стар. лейт. барона Г. Н. ТАУБЕ.

Вышел и разослан подписчикам № 3 (53)
т. XVIII, 1960 г.

Подписная цена — 3 дол. в год.

Представитель на Францию В. В. Скрябин,
38, Bd de la République, Boulogne S/S.

„Сборник Российской военной поэзии“

Принимается подписка на Выпуск II. — Полко-
вые и судовые песни и стихотворения. Издание
Обще-Кадетского Объединения, под редакцией
А. А. Геринга.

Цена: 5 нов. фр. В странах заокеанских 1 дол.
50 цент. с пересылкой.